

ЕВРЕЙСКИЙ ДАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

"СЛЕЗЫ ПЛАЧУТСЯ САМИ..."

Мирьям Ялан-Штекелис (1900-1984)

Шуламит ШАЛИТ

Фото девочки Миры. Ей четыре с половиной. На мир смотрит внимательно.

Взрослеет...

Вспоминает или фантазирует?

Украина. Кибитка, лошади. Цыганский табор переезжает на новое место. Она смотрит на лошадей. Вдруг кто-то хватает ее, и она, ей уже около десяти лет, в кибитке. Младшему брату Маноли всего семь лет, но у него есть свистулька, и он дует в нее изо всех сил. Прилетают конники и освобождают девочку. Когда Мирьям стала старенькая, она призналась, что много раз в жизни приходила к ней мысль: а вдруг спасли тогда не ее, а другую девочку, а она осталась с цыганами, водит на поводке медведя и танцует на канате...

Мирьям Ялан-Штекелис была талантливейшим детским поэтом. Она писала и для взрослых - стихи и прозу, но это оказалось второстепенным даже для нее самой. А как детского поэта и замечательного переводчика детской литературы ее знают все. На иврите говорят: А-мешоререт - детский поэт как бы с большой буквы.

С кем бы я ни разговаривала, все сразу начинают цитировать - иногда понятное, иногда не очень. Один солидный дядечка, седой и в очках, похожий на профессора, сидел со мной рядом в автобусе. Увидав в моих руках книжку, на обложке которой стояло имя Мирьям Ялан-Штекелис, вдруг на весь автобус проговорил: "Ацу-рацу гамадим / Тра-ла-ра-ла ридадим / Ацу-рацу сихеку / Куку-рику-рику..."

Я бочком, бочком - и к двери,

Книга "Козленок" М.Ялан-Штекелис. Обложка худ. Цили Биндер

вдруг подумают, что с дядечкой этим мы в родстве, и начнут меня жалеть... Наутро рассказываю коллеге на работе про странного пассажира, как он заговорил на весь автобус: "Ацу-рацу гамадим", и что я поняла там только "рацу гамадим" (гномики бежали), а она мне вдруг: "Агу-хагу барвазим / Ли эвию эгозим" - о гусях, которые принесли орехи. Ицхак Орен, писатель и переводчик, объяснил мне, что в случившемся со мной нет ничего удивительного: взрослые были нормальными, просто в Израиле все, от мала до велика, знают наизусть множество стихов Ялан-Штекелис наизусть, ведь и седой дядечка в оч-

ках, скорей всего, когда-то был ребенком. Заметив, что сам он от детской литературы далек-далек, Орен вдруг произносит на чистом иврите, но тоже ребячьим, ялан-штекелевском: "Вэ-ло ахал вэ-лошата / Вэ-ло тати, вэ-ло тата". Все во мне уже смеялось: и серьезного Орена подхватила волна того безбрежного океана, из которого каждый может черпать пригоршнями... Строчки Мирьям Ялан-Штекелис, которые запоминаются сразу и навсегда - это же целый океан радости.

Для тех, кто знает иврит с детства - все эти "агу-хагу" понятны и естественны, как для нас, например: "Трата-та - трата-

та, мы возьмем с собой кота!" или "Трита-та - трита-та, вышла кошка за кота", или "Тили-бом-тили-бом, загорелся кошкін дом"... Чуковский приводит такие примеры: что такое Вардадым? Нечто большое и страшное. А что такое Бяка-Закаляка? А это его Шурочка придумала: нарисовала, а потом выдуманной Бяки-Закаляки и сама испугалась.

В детской литературе на каждом языке существуют вот такие потешки-ритмические словосочетания, словесные находки, младенческие экзерсисы.

Во вступлении к книге М. Ялан-Штекелис "Ветви", вышедшей на русском языке, тот же Ицхак Орен пишет: "Дети начинают повторять стихи М.Ялан-Штекелис, как только начинают произносить вообще что-либо".

Ее герои часто носили имена ее племянников или детей ее друзей, знакомых, соседей. Поэтесса признавалась в том, что "за именами для своих персонажей далеко не ходила", пользуясь близким кругом, но утверждала, что это простые совпадения, нет никакой связи между образом ее героини Нурит и ее племянницы Нурит, дочери младшего брата Иммануэля. Но убедить в этом можно было не всех и не всегда... Племянница не один год сердилась на тетю Миру за то, что та в стихотворении, да и в знаменитой песне "а-Буба Зэава" ("Кукла Зэава") изобразила ее трусихой (боится темноты). Она, настоящая Нурит, сильная и смелая и не желает слыть отрицательным персонажем.

Почти в каждом израильском доме живут и здравствуют стихи Мирьям Ялан-Штекелис. И маль-

чик Дани, который не плачет, и уже знакомая нам буба Зэава, и Гури, и Рут с ее любимой кошкой, и бедная кукла Элишева, которой вечно говорят, что пора идти спать... И так как они переходят иногда из одного стихотворения в другое, то пока читаешь книжки Мирьям Ялан-Штекелис, возникает ощущение, что гостишь в многолюдной семье, где всех-всех знаешь, понимаешь и любишь.

Мирьям сама рассказала о себе, о детстве, о родителях, памяти которых она посвятила все свои книги, а еще, почему они приехали в Израиль.

"Родилась я в России царского времени, под Кременчугом, в еврейской семье, где книга считалась самым драгоценным достоянием человека. В 1903 году отец, химик по образованию, был избран казенным раввином в Николаеве. Пошли погромы, горели еврейские дома, полилась еврейская кровь. Отец мой, как представитель еврейского населения, пошел во главе еврейской делегации к градоначальнику... Отец мой, смелый человек и гордый еврей, открыто и гневно потребовал немедленных действий в защиту беспомощного еврейского населения. Добился он только мести со стороны властей. Отец был арестован и приговорен к ссылке... но она была заменена высылкой за границу. Семья наша поселилась в Берлине. Там мы, маленькие дети (она и два ее брата - старший Шмуэль и младший Иммануэль. - Ш.Ш.), забыли русский и перешли на немецкий. Там же, еще до школы, мы начали изучать древний язык нашего народа - иврит. В 1911 году, по случаю какой-то амнистии, мы вернулись в Россию и, конечно, вновь научились русскому языку. Продолжая изучать иврит, я училась и французскому, а потом и английскому, не забывая немецкий.

Окончание на стр. 10

БЕГ БОСОНОГО МАЛЬЧИКА

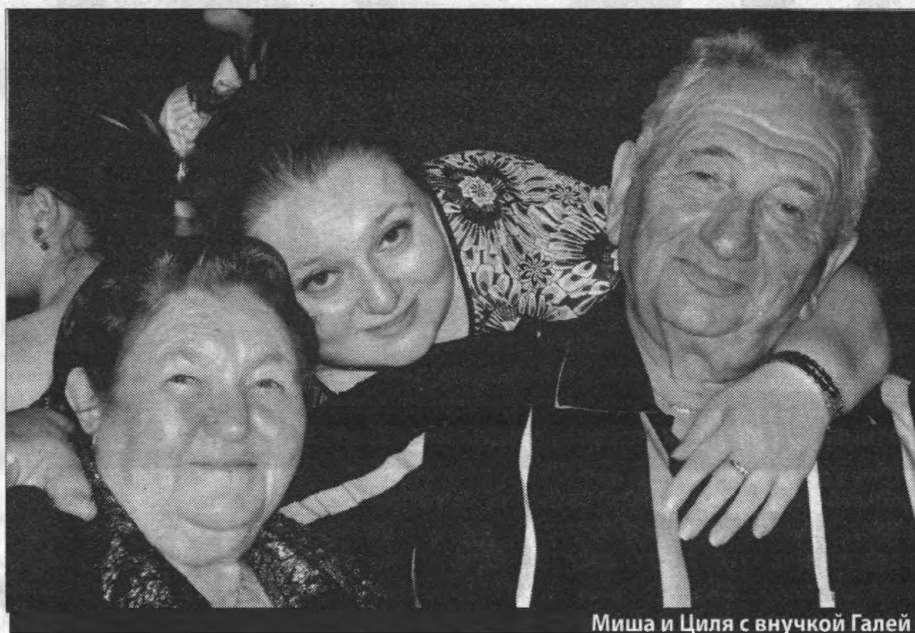
Белла КЕРДМАН

Человеку, сидящему передо мной, восемьдесят девять лет. Он рассказывает, а по лицу его текут слезы. Он сердито смахивает их кулаком, делает небольшую паузу и продолжает. Человека зовут Миша, фамилии я пока не знаю: в хостеле, где мы живем, в обиходе звучат имена, а если есть у человека тезка, то уточнением может служить не обязательно фамилия (совсем как в местечке). В данном случае это Миша Цилин, по имени супруги, с которой они в браке шестьдесят четыре года. Про местечко я знаю по рассказам мамы и бабушки. Например, в местечке Шаровке Ярмолинцевского района Каменец-Подольской тогда области, где родилась моя мама и куда поехала уже из Одессы рожать меня, проживали когда-то Мойше Лейбалес, Мойше Пицимига, Хаим Гой, Герш Бройтгистер (мой дед Мельман, кстати) и другие евреи с подобными "цинумен" - кличками.

Фамилию своего собеседника я все же узнала: он Энинберг, Михаил Овсеевич, хотя его папу звали Шика, было когда-то такое еврейское имя. Машинально спросила, как это Шика превратился в Овсея, но тут же сняла вопрос: мало ли какие преобразования претерпевали еврейские имена, а также фамилии там и тогда! Между прочим, моего отца звали Файвишем - официально, по документам. Но из армии он вернулся с именем Феликс. Так его продолжили называть на заводе, куда он поступил сразу после службы и где проработал до пенсии. Так в речевом обиходе я стала "Феликсовой". Однажды в дальней командировке я представилась старушке, к которой меня поселили, Беллой Файвишной. Она это дело упростила, стала звать меня "Саввишной"...

Вернемся к Мише Энинбергу. Родом он из классического еврейского города - Бердичева. В 39-м семья лишилась кормильца, и мама Этя вернулась с детьми в свой родной городок Славуту, где у нее были какие-то родственники. Семья состояла из пяти человек. Кроме десятилетнего тогда Миши там было еще два мальчика: Ленчик трех с половиной лет и полутрехгодовалый Сема. Уход за этими детьми лег полностью на Мишу: маме-вдове надо было зарабатывать на жизнь. Какие там были заработки у больничной санитарки или уборщицы, какая жизнь! Это была нищета местечковых евреев в классическом, опять-таки, виде. Да, я не сказала о старшем ребенке Энинбергов, вернее, о старшей. Это была шестнадцатилетняя Рива, своенравная и высокомерная девушка, которая ничего по дому и ничего для дома делать не желала, такой имела характер. Возможно, сложный характер помог ей выжить в условиях войны и оккупации. Но не будем забегать вперед.

Война, вопреки громким заверениям партии и правительства о том, что "Красная армия всех сильнее", подошла к Славуте быстро, и слухи насчет опасности для евреев стали витать в воздухе. Так что 29 июля 1941 года Этя с детьми пустилась в бег. Пешком. Младших мальчиков несли на спине мама и Рива, а то и Миша, которому исполнилось к тому времени тринадцать лет. Дошли до Шепетовки, где сели

Миша и Цилия с внучкой Галей

на платформу железнодорожного состава, следовавшего на Бердичев. Однако там уже высадился немецкий десант, и Этя с детьми побежала дальше, на Казатин. Казалось бы, повезло: они забрались в двухосный вагончик состава, следовавшего в Киев. Но это было то еще везение! Кроме Энинбергов, там были еще четыре еврейские семьи, которые заселили вагон раньше. Они всячески выражали свое презрение к "этой гольтыбе", демонстративно не желали иметь с ней ничего общего. Обычно из Казатина до Киева не более трех часов езды, - рассказывает Миша, - но тогда их путь длился трое суток. И соседи всю дорогу не то что ели - жрали. А несчастным сиротам, даже больному малышу, глотка воды не дали! Это была мука мученическая.

Из Киева семья эвакуировалась в станицу Новокагарлыкскую Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края. И вот там, среди казаков, что для меня в рассказе Миши прозвучало неожиданным, еврейских беженцев, которых прибыло примерно двадцать семей, приветили, расселили сперва по домам местного населения, а затем переселили в школу. Местные люди делились с ними тем, что имели. Так они перезимовали, так прожили до середины года. Мой собеседник полагает, что те станичники были из запорожских казаков, ибо говорили все по-украински. Я посмотрела в интернете: среди ставропольских казаков, указано там, есть терские, хоперские, беломестные, грбенцы...

Миша с другом Мишей

Миша и Цилия

надеждой: "Мама, нас расстреляют, и уже не надо будет кушать?". Мать постаралась успокоить ребенка. А Мише приказала: беги!

И он побежал. Где бегом, где быстрым шагом. Одолевал примерно 30-35 километров в день. Босиком. Ему не привыкать - и до войны настоящей обуви у мальчика из бедной еврейской семьи не было. Где-то покормят, а то и не жравши сутки-двое двигался, и так добрался до Майкопа. Вообще-то Миша стеснялся просить. Когда уже совсем становилось невмочь, скажем, после трех голодных дней, протягивал руку за кусочком хлеба. Чаше давали, чем отказывали. У него была легенда: мол, во время бомбежки потерялся, отстал от семьи. Что мальчик - еврей, встречные-поперечные, видимо, не понимали. Или просто не интересовались этим вопросом. Вообще, как ему кажется, в тех местах и не знали о существовании евреев. Пока не знали. И то сказать: евреи в станицах не жили. В порядке вещей было следовать станичной традиции: гостя накормить ужином, а после ночлега - завтраком.

Известно, что недалеко существовала еврейская община Ростова-на-Дону, занимавшая по численности третье место в Российской Федерации после Москвы и Ленинграда. И в августе 42-го за городом, в Змиевской балке было уничтожено более двадцати семи тысяч ее членов. Но вот немногочисленным беженцам, чей путь пролегал через станицы и села, в основном казачьи, удалось выжить. Почему? Не знаю. Возможно, оккупантам и их приспешникам просто не резон было гоняться за одиночками и отдельными семьями, заниматься их транспортировкой, захоронением...

Босоногий еврейский мальчик старался по пути подрабатывать на какую-нибудь работу. В Майкопе он пристроился к мужикам, отправлявшимся на двух подводах в Крым за особо дефицитной в то время солью. Дорога длилась трое суток, ночевали в очередной станице. Так он добрался до Краснодарского края. Реку Кубань перешел вброд - в октябре! Выпавший тут же снег застал его босиком. И тогда он постучался в первую попавшуюся избу. Сердобольная старуха обула мальчика в какие-то опорки, покормила, и он побежал дальше.

В пути к нему присоединились еще два парня: оба несколько старше нашего Миши. Нет, не евреи, но такие же беспризорники, как и он. Втроем они дошли до хутора Веселый Гулькевичского района. Втроем поселились в комнатенке без окна при колхозной конюшне. Спали вповалку на соломе. "Вшей не надо было искать - горстями доставали из-за пазухи", - вспоминает мой собеседник. Но вскоре старо-

ста распорядился отправить их на работу в Германию. Собрали у населения какие-то тряпки, приодели пацанов и отрядили в райцентр, на станцию. Однако на их счастье эшелон "нах Дойчланд" ночью ушел! И вернувшихся на хутор беспризорников тот же староста поселил в доме Марфы Ивановны Гузенко. Это была полная семья: родители и два взрослых сына. Трех беспризорников приняли на удивление спокойно, без раздражения. А наш Миша так и во все стал любимцем семьи: такой спокойный, работающий подросток, первый помощник по дому и в поле.

В конце января 1943 года край освободили. Как известно, оккупация тех мест была короткой: семь месяцев, и потому евреям, пережившим ее, "пицуим" из немецкого фонда после войны не выплачивали, требовался "оккупационный стаж" не менее 18 месяцев. Относительно недавно несправедливость была устранена.

Но на дворе пока еще зима 43-го, мы в доме станичников Гузенко. Старшего их сына в феврале призвали в Красную армию, а в апреле ушел служить и младший. Так случилось, что Мише пришлось сопровождать одного из них в эвакогоспиталь, который располагался в местном совхозе с чудным названием: "Венцы Заря". До войны англичане построили там свиноферму на сорок тысяч голов. Свиньи были особые, английской породы. Эти добротные помещения фермы и были оборудованы под госпиталь. Случайное знакомство с лейтенантом Романом Трахтенбергом, служившим в госпитале, стало важным событием в судьбе молодого человека: его оформили там воспитанником, вроде как "сыном полка", выдали обмундирование и поставили на довольствие.

На этом босоногий бег еврейского мальчика по петляющим дорогам войны можно считать завершенным. Я попросила Мишу записать названия населенных пунктов, которые

были тогда на его пути. Листок со списком передо мной: в нем пятнадцать наименований, в основном это станицы. Уверенности, что список полный, у меня нет.

Фронт тем временем продвинулся, остановились под Новороссийском. И Миша Энинберг написал письмо в станицу Кармалиновскую - туда, где семью застала оккупация, на имя одной религиозной старушки. Попросил ее сообщить, где похоронены его мама и братики. Спустя две-три недели он получил письмо... от мамы! Она оказалась в той же станице! Выяснилось, что из полиции, куда их привел пьяный казак, Эту с мальчиками тогда выпустили, их приняла и прятала у себя в доме некая одинокая женщина. Сын от нечаянной радости разрыдался, и все окружающие, узнав такую замечательную новость, тоже плакали. И спустя два месяца, в декабре 43-го Мишу из госпиталя проводили к маме. А в апреле следующего года эту неполную еврейскую семью постигли новые резкие перемены.

В числе двадцати пяти семей кармалиновских колхозников Энинбергов переселили в чеченский аул Чир-Юрт, откуда накануне вывезли местных жителей. Новому колхозу пообещали льготы: пять лет не платить налоги. Аул переименовали в село Предгорное. Миша знает эту подлую историю во всех подробностях. Как заранее были засланы во все населенные пункты Чечено-Ингушетии агенты КГБ, переписавшие местное население. Как вечером 23 февраля 1944 года жителей аула собрали на митинг в честь годовщины Советской армии, окружили бойцами то ли этой самой армии, то ли милиции и госбезопасности и, дав полчаса на сборы, бросили в товарные вагоны и повезли на восток. Без еды и воды. Без обогрева. Не выпуская на остановках. С малыми детьми и стариками. До места ссылки доехала едва половина сосланных. Лицо рассказчика снова заливают произвольные слезы.

В опустевшем ауле было непривычно и страшно. Бродили по улицам недоевшие коровы. На местном кладбище почти у каждого захоронения высились шесты с флажками - по числу "кровников", которых непременно должен уничтожить кто-либо из потомков покойного: кровная месть не знает срока давности. Поскольку у бывших жителей аула существовало многоженство, большая чеченская семья проживала в огороженной усадьбе, где стояли отдельные домики - по числу жен. Так что единственная еврейская среди переселенцев семья Энинбергов заняла домик в одной ограде с другими колхозниками из Кармалиновской.

Село Предгорное заселяли людьми из разных регионов Союза. Когда прибыли вятичи (из Кировской, по-новому, области) для Миши, работавшего пастухом, была решена вечная проблема обуви: одного деда из новоселов усадили за плетение лаптей. Лапти с онучами - все же лучше, чем ничего. Еврейская женщина Этя и ее шестнадцатилетний сын были отличными работниками, и в конце 45-го они возвратились в Славуту не с пустыми руками: получили на трудодни 600 кг пшеницы! Это был хлеб, который по русской пословице "всему голова".

На месте своего бывшего жилища Энинберги застали пепелище. Сгорела вся улица. Мама с детьми поселилась в шестиметровой комнатке при колхозной птицеферме, где работала. Там же приютился и Миша. Поступил на работу на местную мебельную фабрику, освоил ремесло столяра. Основной продукцией фабрики было изготовление оконных рам для железнодорожных вагонов. Иногда Миша мог принести домой немного упаковочного материала - мешковины. Этя красила куски этой ткани в отваре из ореховой скорлупы и шила из нее штанишки для своих сыновей.

По вечерам Миша помогал маме наводить

порядок на рынке, где она подрабатывала уборщицей. Пока однажды Этя не распорядилась: иди в школу! На дворе уже был 1948 год, а все образование девятнадцатилетнего уже парня - четыре класса, которые он успел закончить до войны. Миша записался в вечернюю школу и сел в шестой класс. С математикой было совсем плохо, и директор школы настаивал, чтобы ученик Энинберг сначала закончил пятый. Парень не соглашался, обещал пройти пропущенное самостоятельно. И тут - счастливый случай: диктант по русскому языку он написал на пятерку, единственный из класса! У него оказалась врожденная грамотность, о чем он и не подозревал.

Семилетку Миша Энинберг закончил с похвальной грамотой. Он все успел, даже поступил в Киевский горный техникум, соблазнившись высокой стипендией и добротной формой. Но... подошел срок военного призыва. И отправился парень служить на Дальний Восток, в Комсомольск-на-Амуре. Не один: с неразлучным другом Михаилом Ханухом, с которым учился в вечерней школе, вместе поступил в киевский техникум. Вскоре разошлись их профессиональные дороги: Миша Э. служил рядовым в Тайшете, а Миша Х. - в армейской самодеятельности. А в гражданской жизни первый, окончив судостроительный техникум, из ученика слесаря вырос до опытного мастера-монтажника, участвовал в приемных испытаниях атомомобилей. А второй стал известным (в том числе и в Израиле, где он жил последние годы) журналистом и писателем. Его уход из жизни стал не только личной потерей для друга, а и ощутимой потерей для идишской литературы.

С Цилей, с которой Миша был знаком еще со Славуты, они создали семью, в которой выросли дочь, сын и две внучки. Со временем все перебрались на ПМЖ в Израиль. Но это уже другая жизнь, другая история.

В ЖИЗНИ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА...

Рав Ури СУПЕРФИН

В жизни каждого человека должен наступить этап, когда он честно признается себе, что ни в чем особо не преуспел в жизни, и уже, не рыпаясь, доживает свой срок. У подавляющего большинства стариков потухший взгляд бегунов, которым осталось до финишной черты десять метров, первые три соперника уже ее пресекли, остальным ничего не светит, но они, по инерции, бегут. Хотя было бы прикольно, если бы аутсайдеры в забеге просто останавливались бы и расходились, как очередь, которой сказали: "Все, товар закончился".

Но Бенцион-Шломо с таким подходом мириться не хотел. Престарелый Бенци давно уже разменял свой восьмой десяток и приценивался к девятому, как эти требовательные спесивые домохозяйки на рынке, что торгуются за каждый грош и вечно недовольны. Бенци подозрительно поглядывал на приближающееся восьмидесятилетие, не будучи особо склонным доверять столь почтенному возрасту свою жизнь. Ему и в седьмом десятке жилось неплохо; сами посудите: рано-рано утром Бенцион вставал и, после всех, обычных для еврея, процедур и благословений, выходил из дома со своим знаменитым блокнотом. Блокнот был толст, потрепан, имел выцветшую фиолето-

вую обложку, и из него периодически выпали отдельные листки. Если бы мы хотели заглянуть в этот блокнот, вряд ли мы смогли бы понять написанное в нем; буквы-закорючки теснились на страницах в одном Бенциону известном порядке. Но понаблюдать за бодро ковыляющим престарелым Бенци мы уж точно можем, это само по себе интересно чрезвычайно. Последуем же за ним!

Путь Бенциона от дома до синагоги полон требующими исправления моментами. Выбоина на тротуаре (позвонить в мэрию, истребовать номер обращения для дальнейшего контроля!), мусор на почве вокруг дерева (уборщик-араб опять ленится, позвонить Якову из мэрии, отвечающему за уборщиков и поставить ему на вид!), ветки сирени со двора семейства Шехтеров нависают над самой головой, а значит, нормальным людям, не столь согбенным, как он, эти ветки сбивают шляпы (постучаться к Шехтерам после пяти, когда хозяйка уже отправила детей играть и, выпив первую чашку компота, успела малость отдохнуть и способна воспринимать подобные вещи). Мезуза на семнадцатом доме после переезда молодоженов в верхнюю квартиру (номер! это пристройка, у нее даже нет своего номера!) была повреждена (холо-

дильником?), и в дожди ей грозит порча и размытие текста (сказать Шмуэлю, главе жилкооператива, в синагоге после молитвы). Под скамьей валяется полусдутый мячик; похоже, именно его позавчера искал безутешно ревуший маленький Леви из четырнадцатого дома (поднять, принести домой, накачать; если не получится, купить новый и подарить малышу; от отца он ласки почти и не видит, что тоже, кстати, тема для отдельной записи в блокноте для принятия мер).

...Короче, Бенцион-Шломо заменял собой целый отдел мэрии, причем на добровольных началах. После завтрака он устраивал вылазки в прочие районы нашего городка, а затем звонил, беседовал, показывал, как надо, журил, благословлял, требовал, шутил, мелькал там и сям, хлопая по плечу и приветствуя всех, от простого уборщика Абдула до Самого Мэра. Пока вокруг не все идеально, человеку есть чем заняться, считал старый Бенци.

Несмотря на такую всепронизываемость, у Бенциона хватало такта и чуткости не лезть туда, где на данный момент было не до его помощи и совета. Не раз и не два я видел его со стороны взирающего на ссору, выплеск негатива, антисоциальное поведение кого-либо, недовольно жующего губами, смотрящего осуждающе, но при этом молчаливо ждущего шанс помочь, который, впрочем, часто так и не наступал. Молодые вообще

склонны недооценивать опыт и знания стариков, как всегда покупаясь на внешний уверенный вид пройдох среднего возраста в костюмах, безапелляционно несущих чушь. Но Бенци не был навязчив сверх меры, это было бы просто непрофессионально.

Сегодня я немного опаздывал на работу, шел от остановки быстрым шагом и, свернув на нужную улицу, чуть не сбил с ног Бенци, который стоял и писал в блокноте, периодически поглядывая на источник неполадки в виде выбившейся из-под земли мелиоративной трубки, освежительно брызгающей на визжащие стайки идущих в школу мелких девчонок.

- Опаздываем, а? - сказал Бенци.

С этим было сложно спорить.

- А знаешь почему? - спросил он, и, даже не дав мне сказать что-нибудь оправдательное, продолжил: - Потому что не твое это. Не радуется, и денег с гулькин нос.

Ну, снова прав; я нетерпеливо переступил с ноги на ногу, надо было спешить.

- Иди, но пообещай, что осенью уже будешь заниматься тем, что тебе по душе, - сказал старый Бенци, захлопывая блокнот и забавно, старчески, помаргивая. Из блокнота выпорхнула маленькая бумажка - автобусный билет, я склонился, чтобы поднять ее, и, возвращая, кажется, что у Сары Рейхниц закончился коричневый сахар.

КОМАНДИР ЭСКАДРИЛЬИ "ПРИМУСОВ"

Ян ТОПОРОВСКИЙ

Первое письмо отца

"Уважаемый господин мэтр!

Являясь гражданином города в течение 25 лет, я обращаюсь к Вам с просьбой представить комиссии по наименованию улиц Тель-Авива мое предложение назвать улицу именем моего сына летчика Даниэля Бокштейна, который вырос в Тель-Авиве и с его аэродрома направился на последнее задание. Даниэль был одним из первых летчиков, который пришел на помощь своему народу, а затем превратился в исторический символ - как первый летчик, который отдал свою жизнь за Родину.

Случай падения самолета возле Абу-Гошав Иудейских горах в день Алеф месяца Ияр (10 мая) 1948 года стал очень известным в обществе потому, что это случилось за четыре дня до провозглашения государства, и это был первый самолет наших военно-воздушных сил, который был сбит во время боевого задания.

Так как квартира Даниэля находилась на улице Александра Даная, и там продолжает жить его вдова и дочь Даниэля, которая родилась уже после его гибели, я предлагаю назвать улицу его именем в том же районе, где он жил, - там, где растет его дочь и где все его знали.

И в дополнение к биографии одного из первых героев-летчиков. Он был из первопроходцев. Его тянуло в небо. Еще семь лет назад он призывал не относиться пренебрежительно к авиации, как было принято у нас.

Я прикладываю к этому (письму) отзывы начальника Генерального штаба генерала-лейтенанта Игал Ядина и командующего ВВС Аарона Ремеза, Ури Куйсари, Зеэва Альтагера и заметку самого Даниэля, которая была опубликована в свое время в газете.

Я надеюсь, что комиссия по наименованиям внимательно обсудит мою просьбу, и заранее благодарю, если она сочтет возможным сообщить о своем решении.

С чувством глубокой признательности,

Яков Бокштейн

P.S. Вместе с Даниэлем в самолете находились Яков Шайнбойм (Шейнбойм? - Я.Т.), Шлема Ротштейн, Цви Шустерман, Шлема Коган, Ицхак Шкловиц (? - возможно, эта фамилия не точно указана в письме. - Я.Т.)

Тель-Авив, 26.05. 1950"

Древо семьи

Яков Бокштейн родился в селе Снитовка на Подоле (Украина) в 1885 году. Его отец Йосеф Хаим из хасидов. Яков получил традиционное религиозное образование. Начал учить Гемару в возрасте шести-семи лет. В девять лет переехал с родителями в Бердичев. В возрасте 16 лет Якову наняли учителя иврита, и это его очень увлекло. В 17-18 лет он стал активным сионистом, что

Даниэль Бокштейн

вызвало неудовольствие его семьи и окружающих хасидов. В 1905 году он переехал в Москву, где у него было право на жительство, как у внука купца первой гильдии. Там - получил образование. Занимался два года и в народном университете Шилы Синявского, был членом сионистской группы юношей под руководством доктора Иехиеля Членова и главного раввина Якова Мазе. В 1908 году женился на Ривке, дочери Дова. Участвовал в общественной еврейской сионистской жизни. В 1913 году принимал участие в 11-м Сионистском конгрессе и в работе Всемирной комиссии по культуре на иврите. Затем - решил совершить алию в Палестину. И в 1914 году отправил туда жену, чтобы она освоила язык и культуру. Он надеялся, что к тому времени закончит свои дела и придет вслед за ней. Но в связи с началом Первой мировой войны его жена Ривка вынуждена была вернуться в Москву. Сам же Яков с 1915-го по 1919-й год избирался членом городского совета сионистов Москвы. Членами этого совета были Лейб Яффе, Хаим Гринберг и Ицхак Найдис. В 1905 году Яков Бокштейн помог Нахуму Цемаху в организации "Габимы" и был в числе подписавших вместе с равом Мазе, Ицхаком Найдисом, равом Гурвицем, Нахумом Цемахом петицию с просьбой на выдачу лицензии на открытие еврейского театра. И с тех пор он действовал в пользу "Габимы" в Москве, а после в Палестине.

В 1918 году вместе с доктором Йоновичем, Вайлом, Шапиро и другими организовал фирму по покупке земель в Палестине и фактически ею руководил. После войны и революции он опять стал готовиться к алие. Его семье было выдано разрешение уехать из России, но ему лично выезд запретили. Шесть раз власти рассматривали его просьбу и каждый раз отвечали отказом. Тогда он решил перейти границу с Латвией и сбежать из страны. Но у него ничего не получилось, и он вернулся обратно в Москву. В конце концов он получил разрешение. Шесть недель длилась его поездка. Второго января 1925 года он прибыл в Яффо и остановился в Тель-Авиве. Здесь он начал заниматься экономической деятельностью, став одним из крупнейших им-

портеров запасных частей для механизмов и велосипедов в фирме, которую создал в год прибытия. Был членом правления компании "Геула", участвовал в работе Гистадрута, являлся членом руководства кружка "Друзей Габимы", членом руководства одного из банков, а затем его председателем, вплоть до 1945 года.

Свидетельство начальника генерального штаба

"Я знал Дани лично еще в те дни, когда был начальником оперативного управления штаба. Мы старались лично быть знакомыми с каждым летчиком, потому что их было очень мало, а абсолютная важность в процессе войны велика. Перед вторжением (имеется в виду начало Войны за Независимость. - Я.Т.) положение было тяжелым, как я уже отмечал ранее. Мы придавали огромное значение воздушным операциям до такой степени, что я лично проводил дни и ночи на аэродроме для немедленного получения отчетов от летчиков, прибывающих с задания.

10 мая 1948 года наступление бригады "Апрель" на деревню Бейт-Махсир достигло наивысшей точки. Судьба Иерусалима зависела от успеха операции по захвату этой деревни, из которой контролировались подходы к Иерусалиму. Неоднократно отличился в этой операции командир бригады. Но воздушная бомбардировка была необходима. Без этого наступление могло провалиться. В течение всей ночи наши летчики пробовали достичь цели - среди них и мой брат Мати, ныне покойный. Но летчики были вынуждены каждый раз возвращаться из-за стены облаков, которая перекрывала Шаар а-Гай.

В эту ночь никто не сомкнул глаз. На рассвете наши оружейники успели приготовить 100-килограммовую бомбу, в то время единственную в своем роде. Эта бомба должна была решить судьбу сражения. Единственный самолет, который был в нашем распоряжении и мог нести ту бомбу, был "Norseman". Из-за плохих погодных условий командующий ВВС не дал разрешение на вылет, но просил откликнуться добровольцев.

Вызвалось несколько летчиков. Дани, который был командиром эскадрильи "Галиль", прибыл в тот момент, когда готовили самолет к взлету. Он привез с собой командира бригады Северной Галилеи, который прибыл на совещание, и в его распоряжении было время для нескольких свободных полетов. Дани подошел к нам, и мы поинтересовались его делами. Потом мы объяснили ему, что происходит. Он сразу загорелся идеей и исчез. Оказалось, что в это время он обсуждал предстоящую операцию с командиром эскадрильи. После обсуждения он тоже влез в самолет и воодушевил всех летчиков своими смешными историями, которые я помню по сей день.

Я поднялся на командный пункт и лично производил связь с самолетом, вел переговоры с Дани и его товарищами. Последние его слова были: "Тучи рассеиваются над це-

лю. Мы приступаем к бомбардировке". И после этого связь с самолетом прекратилась.

Бейт-Махсир был захвачен во время боя. Сообщение, что самолет, наполненный тяжелыми бомбами, вылетел в путь, воодушевило бойцов бригады "Харель", которые возобновили наступление.

Подводя итоги, скажу, что Дани из тех людей, о которых сказано: "Они относятся к тем немногим, перед которыми в долгу все остальные".

Генерал-лейтенант Игаль Ядин"

Свидетельство начальника ВВС Израиля

"Дани был одним из немногих, которых не оставляла мечта о полетах. Любовь к воздухоплаванию овладела им и была его движущей силой. Благодаря этой силе и своему упорству он прорвал заслон, установленный британским командованием на пути призыва еврейских парней в военно-воздушные силы Британского королевства. И он был первый, кто получил звание летчика.

Дани известен с той поры, как был призван на военно-воздушную службу в первую эскадрилью - известную эскадрилью "примусов" (так назывались в те времена на профессиональном сленге самолеты. - Я.Т.). Между первыми летчиками наших воздушных ВВС (еще нелегальных) Дани выделялся как отважный летчик, прекрасный товарищ и как обладатель других военных качеств.

Во время прорыва дороги на Иерусалим Дани был командиром эскадрильи "Галиль". В ходе выполнения боевых операций эскадрильи "Тель-Авив" в разных местах страны и действий эскадрильи в Гуш-Эционе, он и его товарищи добились великолепных результатов полетов. В эскадрилье "Галиль" Дани был душой на земле и в воздухе. Он участвовал в действиях маленькой эскадрильи без перерыва. Добился первых положительных результатов в использовании примитивных способов бомбардировки с помощью выброса бомб из окна "примусов". Он заботился об организации и тренировки людей. Особенно Дани отличился во время бомбардировки Рамат-Нафтали. Он поразил прямым попаданием бронешину, которая прорвалась на территорию Рамат-Нафтали, и тем самым отбил атаку, которая могла привести к падению этого поселения.

В тот день - 10 мая 1948 года - на эскадрилью "Тель-Авив" была возложена задача атаковать врага в районе Кир-Иуф и Бейт-Махсир, чтобы облегчить атаку батальонов, идущих на прорыв дорогой на Иерусалим. Самолет, который прибыл за несколько дней до того и мог поднимать значительные тяжести (по сравнению со старыми "примусами"), загрузили первой большой бомбой, но она была очень примитивна и опасна в употреблении. Однако время поджимало, и очень многое зависело от успехов этой бомбардировки. Летчиком самолета был Яир Шайнбойм. В

Самолет (закамуфлированный) эскадрильи "Галиль", которой командовал Даниэль Бокштейн

то время, когда оружейники занимались прикреплением больших бомб к самолету, приземлился "примус" эскадрильи "Галиль", и из него вышел Дани. Он сразу же начал бегать по летному полю, требуя, чтобы его самолет починили в течении двух-трех часов. И вдруг заметил, что на летном поле производится подготовка к операции. Он сразу же понял основную цель этой операции. Подошел к самолету, загружаемому бомбами, и сказал: "Это бомбы?! Я в этом понимаю. И я точно знаю, как ими поразить цель".

Самолет начал выруливать на взлетную полосу. Я в это время находился на командном пункте и увидел, что Дани бежит за самолетом. Самолет на мгновение остановился. Произошел короткий спор между Дани, командиром эскадрильи и еще несколькими их друзьями. Через мгновение Дани поднялся в самолет и залез в кабину пилота. И самолет плавно пошел на взлет. Я тут же спросил командира эскадрильи, почему Дани взлетел, и тот ответил: "Он требовал, чтобы я ему разрешил. Он объяснил мне, что у него есть необходимый опыт бомбардировки таким видом бомб и, что он сможет проинструктировать в полете летчика Яира в отношении бомбометания. И добавил, что пока починят его самолет, он успеет вернуться в "Галиль". Дани, Ярив и еще четверо оружейников не вернулись. Это был облачный день. Последний раз самолет видели, когда он пикировал из облаков и взорвался на земле около Абу-Гош.

Память о Дани и его товарищах-первопроходцах в освоении воздушного пространства никогда не померкнет. Дух Даниэля - дух добровольчества и отваги будет бить в сердца наших летчиков.

Генерал авиации Аарон Ремез"

"Биография Даниэля Бокштейна

Даниэль Бокштейн родился 2 июня 1925 года в Москве. Мать - Ривка. Отец - Яков. Учился в народной школе и в гимназии. Вступил в "Хагану" в возрасте 15 лет. Интересовался техникой и воздухоплаванием. Начал заниматься летным делом в фирме "Авион", чтобы подготовиться к летной службе в "Хагане". В 1938 году участвовал в обороне поселения Ханита и ближайших окрестностей. В этих стычках

получил боевую закалку. Был ранен. Лежал несколько месяцев в госпиталях, а затем вернулся в Тель-Авив. Занимал различные должности в "Хагане". В 1942 году вступил в Королевские военно-воздушные силы Британии и служил там тридцать месяцев. Как летчик, отличился в освоении новых механизмов и самолетов и этот опыт использовал в будущем в военно-воздушных силах Эрец-Исраэль. Перед окончанием Второй мировой войны демобилизовался из Королевских военно-воздушных сил и работал на заводах в Англии в качестве механика, в основном по самолетным двигателям. Публиковался в профессиональных журналах "Наука и техника", "Юный техник", а также в газете "Давар", но без указания своего имени. Его статьи были посвящены развитию воздухоплавания в Эрец-Исраэль. В 1946 году вернулся в Эрец-Исраэль, где участвовал в деле своего отца. Всеми способами поддерживал развитие воздухоплавания в стране. Женился на Брурии Бат-Шмуэль (Злотник), девушке из семьи, которая уже несколько поколений жила в Эрец-Исраэль.

Когда 20 ноября 1947 года ООН провозгласила создание Государства Израиль и арабы пытались противодействовать этому, Дани принял участие в организации военно-воздушных сил Израиля, в военных операциях и полетах по заданию разведки для сбора оперативной информации. Был командиром эскадрильи "Галиль", которая располагалась в Нижней Галилее. Участвовал в обороне многих населенных пунктов. Погиб в воздушном бою при защите Иерусалима, в небе над Шаар а-Гаем 10 мая 1948 года. 8 августа 1948 года, через несколько месяцев после смерти Даниэля, родилась его дочь, которую назвали в честь отца - Даниэлой.

Как пали герои

(Зеев Альтгар, "Едиот ахронот" от 06.10.1949)

"Даниэль был из десятки наших первых летчиков, которые вылетали на операции в отдаленные точки. В начале 1948 года он был назначен заместителем командира летного поля, а уже в марте стал командиром Северной эскадрильи (эска-

дрилья "Галиль". - Я.Т.). Он отличился в боевых операциях в районах поселений Дан, Дафна, Рамат-Нафаль, Кфар-Соль (кибуцы на севере возле Кирьят-Шломо. - Я.Т.). В 1936 году он вступил в "Хагану", а через два года уже принял участие в защите атакуемых арабами хозяйств в Кфар-Яме.

В 1940 году закончил курс командиров отделений и был послан в военное поселение Ханита (на севере Израиля. - Я.Т.). В 1943 году вступил в ряды военно-воздушных сил британской армии, где получил удостоверение гражданского летчика. В летной части ВВС Британии, которая насчитывала сотни англичан, был единственным еврейским летчиком и налетал более 500 часов.

1 мая (1948 года. - Я.Т.) началось широкое наступление сирийских и ливанских войск на протяжении всей северной границы от Лаавот-Башал до Раамот-Нафаль. Через 24 часа нападение было отбито.

9 мая были отменены отпуска в египетской армии, и в это же время колонны иракской армии двигались в направлении страны. Абдалла (эмир Трансиордании. - Я.Т.) получил свободу действий с стороны англичан, а в подкрепление - английских офицеров. Последняя попытка евреев прийти с ним к соглашению потерпела неудачу. Арабская Лига начала подготовку своих армий к вторжению. Положение страшно обострилось. Границы не были достаточно защищенными, и дорога на Иерусалим оказалась заблокированной.

Арабское село Бейт-Махсир мешало открытию дороги на Иерусалим. Наши войска вели тяжелые бои по захвату этого населенного пункта. Но части "Хаганы" не смогли преуспеть в выполнении этого задания. И тогда было принято решение о бомбардировке с воздуха. Когда Дани прибыл на аэродром Тель-Авива, чтобы вылететь в свою часть в Галилею, он услышал, что ищут добровольцев для выполнения особого задания в горах, чтобы открыть дорогу на Иерусалим. Он отложил возвращение на свою базу и вызвался добровольцем.

Погодные условия были плохими: низкая облачность в нужном горном районе. Но несмотря на тяжелые погодные условия было принято решение о воздушной атаке. Был подготовлен большой взрывчатый материал, и в 10 часов утра 10 мая 1948 года самолет вылетел на задание. В нем находились два летчика: Даниэль Бокштейн и Ярив Шайнбойм. С самолетом велась постоянная связь с командного пункта. Даниэль летел к цели более двух часов (неточность автора: вылетел в 10, доложил о цели в 11 - час в полете. - Я.Т.). В 11 часов утра Дани сообщил на командный пункт: "Видим цель. Мы снижаемся для бомбардировки". И после этого связь прекратилась. Солдаты бригады, которая находилась в Абу-Гош и Неве-Илан, видели, как падает самолет, и слышали сильные взрывы. Самолет упал в роще Аль-Джеба между Абу-Гошем и Суба. После этого один из арабов рассказывал, что самолет упал с высоты 100 метров во время бомбардировки. Два летчика при падении выпрыгнули. А через

некоторое время, когда начали искать летчиков, выяснилось, что арабы перевезли их тела в пещеры около Дир-эль-Амаль.

Эта военная операция растопила сердца арабов, и они, не верившие ранее, что среди евреев есть такие смелые летчики, убедились в этом воочию".

Второе письмо отца

"Мэру Тель-Авива
05.06.1950

Уважаемый и дорогой господин!

Я присоединяю к этому заказное письмо, которое я приготовил для Вас как для председателя комиссии ирии по наименованию. Я надеюсь, что Вы отнесетесь положительно к моему предложению назвать улицу именем моего сына Даниэля Бокштейна. Напоминаю Вашей чести, что Вы присутствовали на его свадьбе 20 ноября 1945 года. Я присоединяю к этому и фотографию Даниэля, которая была сделана за несколько месяцев до его свадьбы во время его службы в Королевских военно-воздушных силах.

Я заранее благодарен за любую помощь, которая последует по увековечиванию памяти Даниэля, который был героем.

Яков Бокштейн"

Ответ мэра

"Господину Якову Бокштейну (улица Рамбам, 22. Тель-Авив)

Уважаемый господин Бокштейн!

Настоящим сообщая о получении Вашего письма и выражая свое сочувствие всем сердцем. Я передаю Ваше предложение на обсуждение в те учреждения муниципалитета, которые занимаются рассмотрением таких вопросов. После принятия соответствующего решения я Вас извещу.

С глубоким уважением, Исраэль Роках, мэру Тель-Авива

Примечание: копия в финансовую комиссию и в секретариат муниципалитета"

От Я.Т.

Улицы Бокштейна я не обнаружил - ни в Тель-Авиве, ни в его окрестностях. Но убежден (хотя документов, подтверждающих мою догадку, пока не отыскал), что улица А-Таясим (Летчиков) в Тель-Авиве была названа в честь тех еврейских мальчиков, кто остался в небе, как командир эскадрильи "Галиль" Даниэль Бокштейн, летчик Ярив (Яков) Шайнбойм (Шейнбойм ? - Я.Т) и их друзья - авиационные оружейники и служащие ВВС Шлема Ротштейн, Цви Шустерман, Шлема Коган, Ицхак Шкловиц.

P.S. Место гибели самолета ныне называют Холм летчиков. И в память об экипаже самолета был воздвигнут памятник. Вначале - пропеллер, найденный на месте гибели, затем - стелы с имена всех служащих ВВС, кто отдал жизнь в войнах Израиля.

ПРОФИЛЬ МОНАРХА

Отрывок из книги "Безродные патриоты"

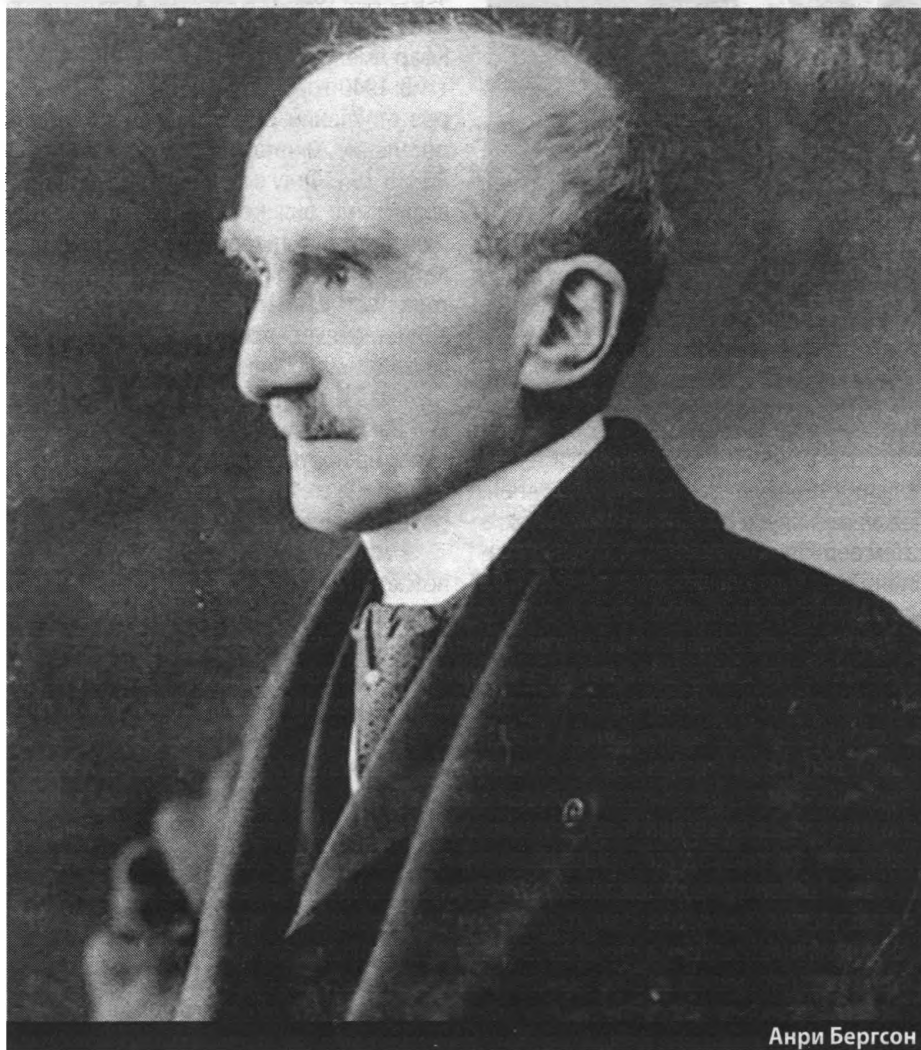
Александр ГОРДОН

Человек из очереди. Холодным декабрьским днем в оккупированном Париже 1940 года выстроилась длинная очередь к нацистской комендатуре. Евреи стояли в ожидании регистрации в полной неизвестности и тревоге за свою жизнь. В толпе находился худощавый, высокий старик с выпуклым, высоким лбом, мелким подбородком и небольшими усами. После многочасового ожидания на холоде он сильно простудился, заболел воспалением легких и умер 3 января 1941 года. Он умер в том самом городе, в котором родился 80 лет назад. Зарегистрированный нацистами старый еврей был одним из самых известных людей Франции, профессором Коллеж де Франс, членом Французской Академии наук, лауреатом Нобелевской премии по литературе 1927 года Анри Бергсоном. Он был одним из лучших ораторов Франции. В 1928 году французский парламент обсуждал перенос его лекций из актового зала Коллеж де Франс, не вмещавшего всех желающих его послушать, в здание Парижской оперы и остановку движения транспорта во время его лекций. В Пантеоне на одной из колонн есть надпись: "Анри Бергсону - философу, жизнь и творчество которого сделали честь Франции и человеческой мысли".

Хотя книги Бергсона попали в Индекс запрещенных книг католической церкви, сам он склонялся к переходу в католицизм. Хотя Бергсон был к концу жизни убежденным католиком, в нацистские регистрационные книги он попал как еврей. Хотя Бергсон получил Нобелевскую премию по литературе, он не был литератором. Хотя Бергсон был одним из самых известных философов XX века, он не внес вклада в философию: его знаменитая концепция времени оказалась ошибочной. Хотя Бергсон был философом, свой основной вклад в цивилизацию он внес не через философию, а через литературу.

Время Анри Бергсона. Анри-Луи Бергсон (1859-1941), крупнейший представитель философии иррационализма XX века, стал профессором Высшей Нормальной школы в 1898 году, а в 1900 году получил кафедру греческой философии в Коллеж де Франс. В 1914 году он был избран членом Французской Академии и президентом Академии моральных и политических наук. В 1919 году Бергсон выпустил сборник очерков "Умственная энергия", в котором обсуждал с Эйнштейном проблемы относительности.

Центральным для философии Бергсона является понятие времени. Он отличал научное время, которое измеряется часами, и чистое время как динамичный и активный поток событий - по-

Анри Бергсон

ток самой жизни. Это время, по Бергсону, мы переживаем непосредственно, и внутри него иногда можно действовать свободно. Он называл это время "длительностью". По мнению Бергсона, работа разума приводит к философской ошибке, дает ошибочную картину мира. Он считал, что существует поток изменяющегося опыта, представляющий реальное время, "длительность", то есть личное время живого существа, динамичное, изменчивое, качественное, неуловимое с помощью детерминизма и постигаемое только интуитивно. Оно не простирается через пространство и не измеряется хронометром. Оно существует как длительность только потому, что мы сами наблюдаем его. Бергсон писал: "Интервал длительности существует только для нас и вследствие взаимного проникновения наших состояний сознания, вне нас нельзя найти ничего, кроме пространства, и таким образом одновременностей, о которых нельзя даже сказать, что они следуют друг за другом объективно". Бергсон различал время физики, которое имеет пространственное выражение, и длительность - время сознания. Трактовка времени по Бергсону близка идее знаменитого американского философа и психолога Уильяма Джеймса о "потоке сознания".

Бергсон выдвинул концепцию, которая по сути дела конкурировала со знаменитым утверждением Декарта "Я мы-

слю, следовательно, я существую", которую можно представить так: мысль и творчество лишь в "длительности", то есть длительность - это та часть действительности, которая находится в постоянном становлении, никогда не завершаясь. Для обоснования своей метафизики Бергсон вступил на сомнительный путь критики физических законов. Он напал на теорию относительности Эйнштейна.

Диспут. В 1900 году философ опубликовал небольшую книгу "Смех", где стремился показать, что природа смешного заключается в консерватизме ума или тела, препятствующем потоку жизни. Книга снискала ему большую известность. Еще до начала Первой мировой войны Анри Бергсон завоевал мировую славу своими произведениями (в основном книгой "Творческая эволюция", опубликованной в 1907 году), лекциями и выступлениями. В лекциях Бергсон посмеивался над ограниченностью рациональных методов познания. Критика интеллекта, восхваление интуиции и субъективное время как истина естественным образом привлекают к философии Бергсона писателей и также естественно отталкивают ученых-естествоиспытателей. Несогласие с Бергсоном Альберт Эйнштейн выразил в переписке со своим другом Мишелем Бессо: "Ты говоришь о "принужденном течении времени". Слово "принужденный" указывает

на субъективные переживания, связанные с сознанием и порядком, в котором на основе воспоминаний они представляются нам "неизбежными". При этом "сейчас" играет доминирующую роль, но оно в равной мере исключено из концептуальной конструкции объективного мира (именно это так огорчает Бергсона)". Бергсон отрицал вывод теории относительности о замедлении времени на часах быстро движущегося наблюдателя. В книге "Длительность и одновременность" (1924) он писал, что часы движущегося близнеца "не показывают запаздывание, когда он находит реальные часы по возвращении (из космического путешествия. - А. Г.)". По его мнению, существуют реальные, то есть абсолютные часы. Это утверждение дискредитирует Бергсона в глазах специалистов по сей день, невзирая на то, что он пытался впоследствии смягчить отрицательный эффект своего утверждения.

6 апреля 1922 года на заседании французского философского общества в Париже А.Бергсон отстаивал идею сосуществования множества "живых" времен. Присутствовавший на заседании А.Эйнштейн категорически отверг "время философов". Он объяснил, как время может быть понято физически или психологически, но не философски. Он сказал: "Время философа есть одновременно психологическое и физическое время". Живой опыт не может спасти то, что отрицается наукой.

Через несколько дней после заседания в Париже Эйнштейн встретился в Берлине с Вальтером Ратенау в попытке уговорить его не быть мишенью для антисемитов и уйти в отставку с поста министра иностранных дел Германии. Эйнштейн привел Ратенау в пример Бергсона, державшегося в стороне от политики. Однако этот пример Эйнштейна был не совсем удачным. Во время Первой мировой войны (1916) Бергсон был официальным представителем Франции в Испании. Его дипломатическая миссия состояла в налаживании отношений между Испанией и странами Антанты. В 1917 году он сыграл важную роль в переговорах с президентом США Вудро Вильсоном, приведших к вступлению Америки в войну.

Новое столкновение Бергсона и Эйнштейна произошло несколько месяцев спустя на совершенно другой почве. Эйнштейн был приглашен в интернациональную комиссию интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций, председателем которой был Бергсон. Сразу после присоединения к работе комиссии Эйнштейн начал думать об отставке из-за превалирования в ней шовинистических антигерманских настроений и требований изгнать из своих рядов немецких коллег (этот бойкот не относился к самому Эйнштейну, поскольку он считался швейцарским гражданином). Эйнштейн был озабочен тем, что комиссия была интернациональной только номинально, а в действительности в ней доминировал французский национализм. Во время войны Бергсон писал резкие антигерманские статьи. В комис-

Обложка книги А.Бергсона
"Материя и память"

сии относились к Эйнштейну с подозрением за интернационализм и в то же время - за сотрудничество с сионистами.

Ответ Бергсона на антисемитизм и рост пронацистских настроений резко отличался от реакции физика. В то время как Эйнштейн оставался интернационалистом, не забывая о своем еврействе, в позиции Бергсона доминировал французский национализм. В феврале 1925 года он отклонил приглашение Эйнштейна приехать в Иерусалим на открытие Еврейского университета со ссылкой на занятость и с переводом разговора на тему о членстве Эйнштейна в комиссии Лиги Наций. В письме к другу Морису Соловину (1923) Эйнштейн рассказал о своем решении уйти из комиссии: "Я вышел из состава комиссии Лиги Наций, ибо более не верю в это учреждение. Это вызвало немало злобы, но я все же доволен, что пошел на это. От ложных начинаний следует отказываться даже в том случае, если они носят красивое название. Бергсон в своей книге по теории относительности допустил серьезные ошибки. Бог ему простит".

Метаморфоза в литературе.

Бергсон не был писателем, но он блестяще писал. Уильям Джеймс так характеризовал его стиль: "Ясность изложения - это первое, что поражает читателя. Бергсон захватывает вас настолько, что сразу же возникает желание стать его учеником. Это просто чудо, он настоящий волшебник". Его изящное письмо и великолепное умение формулировать мысли оказывали гипнотическое влияние на читателей. Писания Бергсона отличались новизной и отказом от общепринятых идей. В его манере писать и выступать была какая-то музыкальность, отмеченная его биографом Ж. Шевалье: "Его речь была спокойна, ритмична и благородна. Необычайная уверенность и поразительная точность, за-

вораживающие музыкальные интонации, даже некоторый дефект дыхания имели что-то от кокетства".

Музыкальность Бергсон унаследовал от отца, известного пианиста и органиста, автора педагогического трактата по игре на фортепиано, автора нескольких опер, профессора и директора Женевской музыкальной академии, Мишеля Бергсона, польского еврея, бравшего уроки фортепиано у Фредерика Шопена. Мать философа, религиозная ирландская еврейка, была широко образованной женщиной, пробудившей у сына интерес к английской философии. Бергсон читал в подлиннике труды английских философов от Джона Локка до Герберта Спенсера. Дожившая до 98 лет, она прочла все главные произведения Анри, гордилась его успехами и терпимо относилась к его увлечению католицизмом.

Одна из главных мыслей философии Бергсона - иррациональность человека. Понятие "поток сознания" не состоялось как философская категория, но стало необыкновенно популярным в литературе для описания духовной жизни. Концепция времени Бергсона, бессмысленная с точки зрения физики, произвела огромное воздействие на знаменитых писателей, нобелевских лауреатов Марселя Пруста и Джеймса Джойса и стала их восприятием времени. В концепции длительности Бергсон видел осуществление свободы воли, отнимаемой детерминизмом.

Глубины духовного мира, согласно Бергсону, могут быть постигнуты самонаблюдением, интроспекцией и интуицией. Бергсоновские представления о сознании и времени фигурируют в книге Томаса Манна "Волшебная гора". Бернард Шоу в пьесе "Назад к Мафусаилу" идет за французским философом. Бергсон, безусловно, повлиял на манеру письма автора книги "В поисках утраченного времени" Марселя Пруста. Его "время" сыграло большую роль в воссоздании художественного времени, в запечатлении причудливого механизма воспоминаний, некоего образа памяти. Сам Пруст воспринимал то, что его произведение именуют "бергсономским", как весьма почетный титул. Посылая в дар философу очередной том "В поисках утраченного времени" - роман 1922 года "Содом и Гоморра", он писал: "Господину Анри Бергсону, первому великому метафизику после Лейбница (да и более великому), чья творческая система, даже эволюционируя, навсегда сохранит имя Бергсона. - Страстно привязанный к Вам почитатель, смущенный тем, что к его произведениям безо всякого повода применяют слова "бергсономские романы" <...> Но любая современная монета несет на себе четкий отпечаток профиля монарха". Время "монарха" Бергсона было ненаучной фикцией, литературным приемом, способом передачи писательской фантазии.

Возвращение проблемы. Анри Бергсон был ровесником Альфреда Дрейфуса. Многие крупные деятели

культуры и науки Франции поддержали Дрейфуса во время знаменитого дела, длившегося с 1894 по 1906 год. Эмиль Золя, Анатоль Франс, Клод Моне, Камилл Писарро, Ромен Роллан, Эдмон Ростан, Андре Жид, Эдмон Гонкур, Жюль Ренар, Марсель Пруст, Жан Жорес, соученик Бергсона по Высшей Нормальной школе в Париже, Жорж Клемансо, журналист, а позже премьер-министр Франции, и знаменитый коллега Бергсона по Коллеж де Франс, лауреат Нобелевской премии по физике Поль Ланжевэн, первый физик, начавший преподавать во Франции теорию относительности, и один из первых арестованных пронацистским режимом Виши, - все они выступили в защиту Дрейфуса. Будущий премьер-министр Франции, еврей Леон Блюм начал заниматься политикой из-за дела Дрейфуса. Одно время Блюм сам был, по-видимому, кандидатом на роль второго Дрейфуса.

Бергсон жил во время дела Дрейфуса в Париже, слышал со всех сторон об этом деле, но не подписал ни одного протеста, ничего не опубликовал по данному вопросу и не выступил публично в защиту несправедливо обвиненного офицера. Бергсон не прореагировал на судебный процесс века, в свете которого отразилась сила воздействия еврейского вопроса на французское общество. Как-то он признался, что вначале поверил в виновность Дрейфуса. Даже оторванный от общества Марсель Пруст был потрясен этим делом. Единственное общественное выступление Пруста было связано с делом Дрейфуса. Он был инициатором воззвания деятелей культуры и науки за пересмотр приговора Дрейфусу и убедил Анатоля Франса присоединиться к этому выступлению. Дело Дрейфуса раскололо семью Марселя на две партии: отец, профессор-врач Адриан Пруст, был сначала на стороне националистов, мать, Жанна Вейль, еврейка, Марсель и его брат Робер были уверены в невинности Дрейфуса. В конце концов, Жанна и дети убедили Адриана в своей правоте. Марсель Пруст был дальним родственником Анри Бергсона и Карла Маркса.

В 1911 году группа националистов-антисемитов, сторонников и наследников "антидрейфусаров" начала травлю философа из-за его еврейского происхождения. Бергсон не реагировал на нападки. Он ставил себя высоко над еврейским вопросом. Узость проблемы отталкивала его от еврейства и всех неприятных эксцессов, связанных с принадлежностью к нему. Через пять лет после реабилитации Дрейфуса Бергсон вел себя так же индифферентно, как во время самого дела. Его отстранение от еврейского вопроса было дозволено ему главной категорией его философии - понятием времени, его субъективной трактовкой понятия времени, его по-своему воспринимаемым цветом времени. Еврейство находилось вне потока его сознания.

В 1926 году другой судебный процесс вывел Бергсона из его фантастического времени и вернул к еврейской проблеме, существование которой он

игнорировал. 25 мая 1926 года на улице Расина в Париже Шолом Шварцбард убил бывшего премьер-министра правительства Украинской Народной Республики Симона Петлюру.

От дела Дрейфуса протянулась нить к процессу Шварцбарда. Дед защитника Шварцбарда, французского еврея Анри Торреса, был основателем Лиги защиты человеческих и гражданских прав во время дела Дрейфуса. Сам Торрес был заочно приговорен к смертной казни правительством Виши за антиправительственные памфлеты и книги. Бергсон публично выступил в защиту убийцы Петлюры, наказавшего этого убийцу евреев. Гуманист Анри Бергсон стал на сторону убийцы: убийство, совершенное в отместку за массовое убийство, по сути, является разумной мерой самообороны. Не поддерживавший невинного Дрейфуса, Бергсон выступил в защиту виновного в убийстве Петлюры Шварцбарда. Массовые убийства беззащитного гражданского населения, в данном случае массовые убийства евреев, ужаснули Бергсона. Он поддержал "неконвенциональный" протест Шварцбарда против геноцида. Молчание во время дела Дрейфуса уступило красноречивому осуждению Бергсоном преступлений петлюровцев против еврейского народа. Через десять лет после убийства Петлюры Бергсон был уже уверен в том, что антисемитизм приведет к еще более массовым убийствам. Бергсон, борец против разума, опасался потери разума человечеством. Начались поиски утраченного времени и утраченного разума, но физического времени, времени в общепринятом понимании, у Бергсона оставалось очень мало.

Анри Бергсон дожил до антиеврейского "Декрета о евреях", изданного администрацией Виши 3 октября 1940 года. Он вернул французским, пронацистским властям, наследникам антидрейфусаров, ордена и награды и отклонил их предложение исключить его из списков преследуемых по антиеврейским эдиктам. Он отказался от предложения нацистов не регистрироваться в качестве еврея. Он не успел попасть в гетто. Он не дожил до высылки французских евреев в нацистские лагеря уничтожения. Незадолго до смерти он вдруг прильнул к народу, от которого отстранялся всю жизнь. В завещании он объяснил свое намерение зарегистрироваться в качестве еврея: "Размышления привели меня к католицизму, в котором я вижу полное завершение иудаизма. Я бы принял его, если бы не видел, как в течение ряда лет готовится ужасная волна антисемитизма, которая хлынет на мир. Я хотел остаться среди тех, кого завтра будут преследовать". Перед смертью Анри Бергсон, вне всякого сомнения, понял актуальность еврейского вопроса, от ответа на который он уходил всю жизнь.

**Желающие приобрести книгу
"Безродные патриоты"
могут обратиться по e-mail'y
algor.goral@gmail.com**

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ВЕРНИСАЖЕ...

Новая выставка Аркадия Лившица в Иерусалиме

Алек Д. ЭПШТЕЙН

В конце июля в галерейном подворье в самом начале Хевронского тракта в нескольких сотнях метров от стен Старого города в Иерусалиме прошла новая выставка художника Аркадия Лившица, справедливо привлекавшая к себе внимание ценителей искусства.

Моя первая встреча с этим живописцем произошла благодаря литератору Галине Подольской: узнав об издании сборника ее эссе, озаглавленного "Израильское изобразительное искусство с русскими корнями", я сразу же позвонил ей с вопросом, как этот прекрасно иллюстрированный фолиант можно приобрести. Галина Геннадьевна ответила мне, что часть тиража находится у Аркадия Израилевича и, продиктовав его телефон, посоветовала договориться о встрече с ним. Сама наша с ним встреча была очень короткой, но художник любезно пригласил меня побывать в его мастерской.

Тогда я старался посещать художников вместе с сыном, ибо считал, да и сейчас считаю, что мало какие встречи могли иметь более положительное влияние на становление и формирование личности одиннадцатилетнего тогда молодого человека, как встречи с творческими людьми, создающими силой своей фантазии отдельные образы и целые миры, которые без них вообще никогда бы не появились. К Аркадию Израилевичу мы вместе с Ашером приехали в один из дней декабря 2012 года. Мастерская его, где я бывал позднее неоднократно, находилась довольно далеко от того места, где он жил; художник арендует под студию бомбоубежище на третьем этаже общественного здания в иерусалимском районе Восточный Тальпиот. Побывав в Париже в весьма разных мастерских Оскара Рабина, Владимира Янкилевского, Бориса Заборова и некоторых других художников, нельзя было не обратить внимание на очень высокие потолки, превращавшие эти помещения в чрезвычайно удобные места для творчества и хранения своих произведений именно художниками; в распоряжении ни одного из талантливых израильских живописцев, с которыми мне посчастливилось познакомиться, подобных студий не было. Мастерская Аркадия Израилевича, как я уже сказал, находилась в бомбоубежище, из которого художника регулярно грозились выгнать, аргументируя это тем, что в любой момент может начаться война, и занимаемая им комната с бронированной дверью и ставнями является единственным местом для потенциального спасения жителей всех квартир, расположенных на том же этаже. Война, впрочем, к счастью, так и не начиналась, а если начиналась, то в Южном Ливане или секторе Газы, достаточно далеко от Иерусалима, что позволяет Аркадию Израилевичу сохранить мастерскую в неприкосновенности.

Начиная с 28 октября 2013 года (дату первого посещения я помню точно), я многократно бывал в его квартире на девятнадцатом

этаже башни Holy Land. С балкона его квартиры открывается ошеломляющий вид на южные районы Иерусалима, буквально просящийся быть запечатленным на холсте, однако Аркадий Израилевич не создал подобной работы, хотя "вечный город", жителем которого он стал еще в 1974 году, рисовал многократно в разные периоды своего творчества. На стенах всех комнат квартиры художника висят его полотна, но новых картин он там не создает, работая почти исключительно в мастерской в Восточном Тальпиоте. Там как раз лишь некоторым работам "повезло" быть повешенными на стены, многие же просто стоят, прислоненные одна к другой, или же вообще находятся в коробках. Когда я отбирал работы для альбома Аркадия Израилевича, то просил посмотреть их все, слыша в ответ, что "смотреть тут нечего", ибо "здесь нет ничего интересного". Я обычно проявлял настойчивость, которая всегда оказывалась вознагражденной, каждый раз находя в этих стопках среди не всегда законченных работ подлинных жемчужины. Казалось, что самого художника моя восторженная реакция на эти произведения искренне удивляла, ибо он к своим холстам относится с куда меньшим пиететом, не только не ведя перечня своих произведений, но и нередко забывая справиться о судьбе работ, давным-давно отданных им на запланированные - и не всегда состоявшиеся - временные выставки. Кажется, что не преувеличу, если напишу о том, что я раз семь напоминал Аркадию Израилевичу о необходимости забрать одну из безусловно лучших его работ, большой воздушный и очень поэтичный пейзаж "Погожий день", из частной галереи в Тель-Авиве, где он пролежал в хранилище несколько лет.

Только в январе 2017 года, спустя почти пять лет после нашего знакомства, я был впервые приглашен побывать в еще одной мастерской, где время от времени работает Аркадий Израилевич - в Нетании. Со стороны здание, находящееся в считанных метрах от городского рынка, куда художник меня привел, выглядело ужасно - но второй этаж неожиданно оказался своего рода "Ульем", где в небольших мастерских работали (а иногда и жили) замечательные художники и скульпторы. Именно там я познакомился со скульптором Леонидом Зильбером и увидел его чудесные макеты памятников Марку Шагалу и Шолом-Алейхему. В той мастерской в Нетании я впервые увидел несколько десятков картин Аркадия Израилевича, которые практически неизвестны зрителям; ни на одной из его выставок и ни в одной посвященной ему публикации их я не видел. Мне кажется, отдельные из находящихся в этой то ли мастерской, то ли чулане работ заслуживают несравнимо лучшей судьбы, чем та, на которую обреч их достаточно равнодушный к ним их автор. Муниципалитет Нетании, поделивший художникам под мастерские это здание и в прошлом помогавший им в организации групповых выставок, в последние

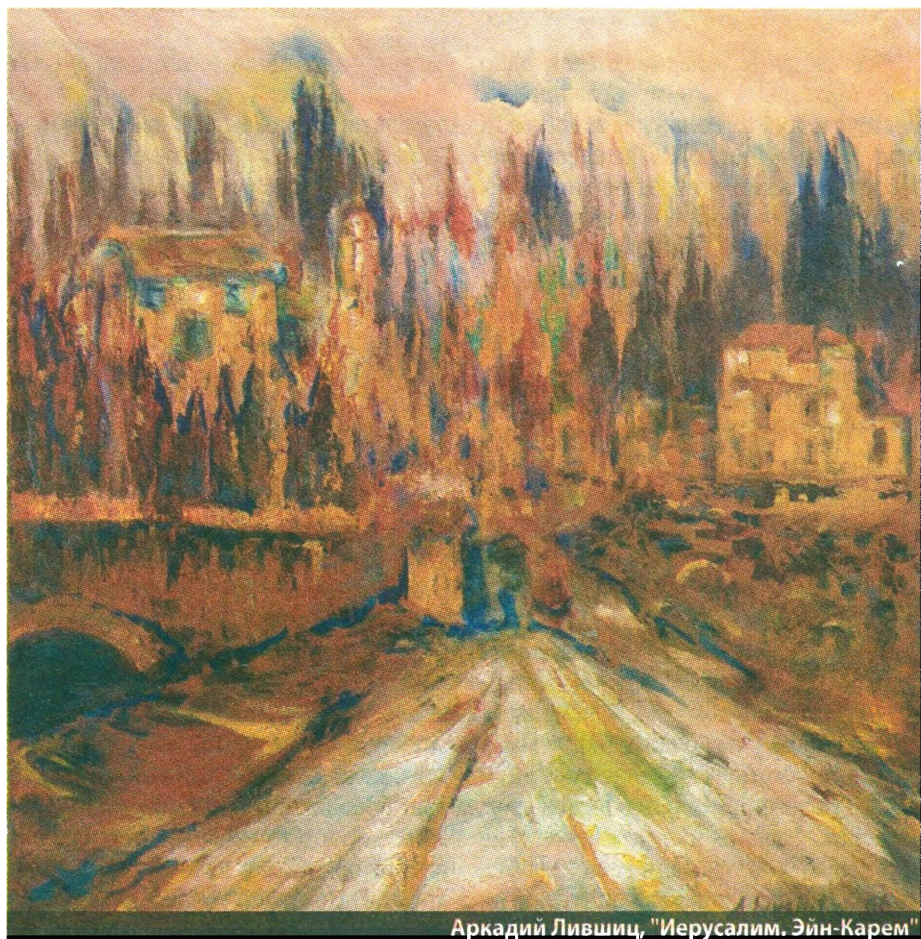
годы подобной филантропией не отличается, хотя художникам так же нужны экспозиции, каталоги и возможность встречи со зрителями.

В 2013 году Галина Подольская начала серию проектов, в рамках которых организовала акты дарения нескольких сотен произведений израильских художников - выходцев из бывшего СССР самым разным музеям. Благодаря подвижническим усилиям этой неутомимой женщины, музеи в Астрахани, Ижевске, Чернигове, Харькове, Николаеве, Черкассах, Одессе, Баку и других городах получили из Израиля десятки художественных работ каждый. Галина Геннадьевна с супругом живут в Восточном Тальпиоте, вследствие чего у Аркадия Израилевича она бывает чаще, чем у кого-либо из других опекаемых ею художников; работы его она хорошо знает и искренне любит. Галина Геннадьевна убедила Аркадия Израилевича передать десяток его первоклассных работ в музеи России, Украины, Белоруссии и Азербайджана. Лично я особенно переживаю за то, что в Астрахань и Ижевск были отправлены работы из едва ли не самой лиричной серии полотен этого художника, запечатлевших отдельные живописные уголки иерусалимского района Эйн-Карем. Мало что радует меня так, как тот факт, что одну из работ этого цикла я у него успел приобрести, и мало что огорчает больше, чем то, что я не успел приобрести остальные - боюсь, что больше их в Израиле никто и никогда не увидит. Две из этих работы были воспроизведены в альбоме, над которым мы работали с Аркадием Израилевичем в 2014 году - пересматривая этот альбом сейчас, я по-прежнему отношу эти произведения к числу наибольших творческих удач автора.

Выход этого альбома - событие, безусловно, радостное - был сопряжен для меня и с большим разочарованием. Евреи любят называть себя "народом книги", имея в виду, что, будучи изначально народом одной, самой главной Книги, они за прошедшие с ее обретения тысячелетия именно в книгах и через книги сохранили свое самосознание и как народа, и как конфессии; русские евреи, для которых образование и чтение традиционно имели очень высокий статус - по крайней мере, так было принято ду-

мать и утверждать - особенно выделялись в этой связи. В принципе, с каждым новым закрывшимся в Иерусалиме и Тель-Авиве магазином, торговавшим книгами на русском языке, перепрофилированием оставшихся в салоны по продаже экскурсий и елочных игрушек, судьба неоднократно давала поводы излечиться от этой иллюзии, но мало с какой верой было расставаться так тяжело и обидно, как с этой. Всю жизнь те или иные книги всегда окружали меня, будучи столь же неотъемлемой частью существования, как солнце, вода и воздух. Работая с Аркадием Израилевичем над монографией о его творчестве, я предвкушал, какой радостью станет она для посетителей его юбилейной выставки (а художник как раз готовился тогда отметить 75-летие), и, несмотря на жесткий цейтнот, сделал все от меня зависящее, чтобы тираж был получен из типографии за несколько дней до даты запланированного вернисажа. Однако в галерее меня ждало горькое разочарование: привезенные пачки книг не пришлось даже распечатывать, посетители вернисажа, которых было довольно много (я так до конца и не понял, сколько из них пришло на выставку, а сколько - пообщаться между собой у щедро накрытого стола), купили всего четыре экземпляра. Как же так, - думал я, - люди имеют возможность за очень небольшие деньги унести с собой расширенный каталог выставки, включающий в себя семьдесят лучших работ художника и очерк о его творчестве, но почти никто из них не захотел сделать это!.. Подобные эмоции мне, к сожалению, позднее приходилось переживать практически с каждым изданным мною альбомом; веры в тягу к чтению русско-еврейской интеллигенции у меня почти не осталось, и я не знаю, только ли эмиграция в Израиль или технологические инновации (в частности, развитие интернета и связанная с ним иллюзия доступности чего угодно в любой момент времени) тому причиной. Можно справедливо возмущаться невниманием к "нашим" художникам и их творчеству со стороны местного истеблишмента, но не менее важен и вопрос о том, насколько мы сами воздаем должное этим мастерам искусства.

22 января 2017 года в чулане при мастерской Аркадия Израилевича я совершенно случайно обнаружил еще одну прекрас-

Аркадий Лившиц, "Иерусалим. Эйн-Карем"

ную большую работу эйн-каремского цикла - к моему огромному удивлению, никогда мне прежде автором не показанную и в наш альбом не включенную. Именно в тот день я понял, что назрела насущная необходимость выпустить второе издание альбома его избранных произведений, которое бы включало репродукцию как этого полотна, так и работ, сфотографированных мною в студии художника в Нетании. К счастью, такое издание удалось подготовить, и оно включает репродукции одиннадцати работ, прежде никогда в печати не воспроизводившихся. Мы также исправили некоторые мелкие огрехи, которые заметили в первом издании.

Самой отличительной чертой художественного стиля Аркадия Лившица является настойчивое стремление подобной отличительной черты не иметь. Неоднократно я слушал обращения ко мне и к другим людям рассуждения художника о том, как важно не подавлять свободу творческого самовыражения в угоду следованию тому или иному однажды выбранному стилю. Эти рассуждения оставляли у меня двойственное впечатление: с одной стороны, каждое посещение студии и выставок Аркадия Лившица таило в себе определенный элемент непредсказуемости. Диапазон его работ столь широк, что невозможно знать наверняка заранее, что будет представлено в этот раз: будут ли это импрессионистские по стилю и духу пейзажи, отражающие весеннее цветение в Галилее или Иудейской пустыне, тот или иной тематический цикл или же композиции в стиле абстрактного экспрессионизма, о которых автор утверждает, что они были навеяны поэтическими (например, стихами Марины Цветаевой) или музыкальными (в частности, музыкой Арнольда Шёнберга) произведениями. Академическую музыку Аркадий Лившиц искренне любит: когда бы я ни бывал на концертах Израильского филармоническо-

го оркестра в Иерусалимском дворце концертов, я почти всегда встречаю там его с верной спутницей Лиорой. С другой стороны, не только совокупность его выставок, но и отдельные из них сами по себе не давали ощущение художественного единства, не позволяли почувствовать самобытный язык автора, не формировали нечто целостное, что осталось бы в памяти.

Лишь одна из четырех или пяти выставок Аркадия Лившица, на которых мне довелось побывать, отличалась тематической и стилистической целостностью - на ней был представлен замечательный цикл полотен "Двенадцать колен Израилевых". Одноименный цикл Марка Шагала давно и хорошо известен, и требовалось немалое мужество, чтобы пойти своим путем по стопам этого, без сомнения, самого знаменитого из всех еврейских художников в истории мирового искусства. Ничем не могу я объяснить и оправдать тот факт, что ни в одном из израильских художественных музеев цикл этот никогда не экспонировался - и это несмотря на непрерывно повторяющиеся στεναγμοι всевозможных чиновников о том, как важно сохранять и приумножать иудейское духовное наследие в израильской культуре и общественной жизни. Цикл из двенадцати ярких фигуративных полотен А.И.Лившица, воспроизведенных в отдельном каталоге, бережно подготовленном все той же Г.Г.Подольской, очевидно заслуживает того, чтобы занять свое место в истории израильского искусства, однако тяга израильских музейных кураторов к "космополитической глобальности" оборачивается тем, что малоинтересные подражательские работы, якобы соответствующие остро актуальным тенденциям, экспонируются раз за разом, а подлинно самобытные произведения оказываются незамеченными, особенно если их автор не принадлежит к числу "своих"...

На протяжении четверти века Аркадий Лившиц работал в Земельном фонде

Израиля, проектируя леса и парки в Иерусалиме и его окрестностях. Принимая во внимание большое количество созданных им вдохновенных пейзажей, кажется несомненным, что эта созидательная деятельность нашла свое выражение и в его искусстве. Однако это созидание природы - лишь одна сторона медали; не меньшее значение для личной и творческой судьбы художника имело пережитое им разрушение цветущей деревни художников Са-Нур в Самарии. Подобно тому как на рубеже 1940-1950-х годов Исаак-Александр Френель, Милия Лауфер, Моше Кастель и другие создали квартал художников в Цфате, так на рубеже 1980-1990-х в ставшем к тому времени куда более ориентированным на консюмеризм Израиле живописцы и скульпторы - выходцы из бывшего Советского Союза создали оазис, где могли творить и показывать свои работы вдали от шумных торговых центров. Работая рядом с Аароном Априлем, Иосифом Капеляном, Юлией Сегаль, Марком Вчерушанским и другими художниками, Аркадий Лившиц оказался в среде, наиболее благоприятной для творчества.

В середине августа 2005 года Са-Нур, наряду с тремя другими еврейскими поселениями в Северной Самарии, был, по распоряжению властей, вынужденно покинут его жителями. Причины эвакуации израильских поселений из Газы были, в целом, понятными, ибо это позволило оставить вне израильского контроля этому контролю совершенно не поддававшийся сектор, если и попадавший в сводки новостей, то исключительно в связи с совершавшимися там террористическими актами. Однако ликвидация четырех цветущих поселений Северной Самарии и сегодня, тринадцать лет спустя, кажется мне безрассудным безумством: ни к какому "размежеванию" кого бы то ни было с кем бы то ни было ликвидация именно этих поселений не привела, жизни сотен людей были переломаны без всякой на то осмысленной причины. Осознавая, что сады и парки на полотнах Аркадия Лившица были отражением его не только творческой, но и "основной" профессиональной жизни, нельзя забывать и о том, что ему пришлось пережить и уничтожение цветущего поселения, с которым он был связан на протяжении более чем пятнадцати лет. Когда группа депутатов кнессета, к которым художники Са-Нура обратились с просьбой о поддержке, предложила им устроить выставку своих работ непосредственно в стенах парламента (еще одна экспозиция прошла в имевшей тогда свое отдельное здание Иерусалимской русской библиотеке), то именно Аркадий Лившиц, лучше большинства художников - сравнительно недавних иммигрантов знавший иврит, был куратором этой экспозиции и составителем ее каталога. Никакой практической помощи по воссозданию этой деревни художников изгнанным живописцам и скульпторам никто не оказал, Са-Нур был вынужденно покинут, и ничто другое не пришло ему на смену, каждый оказался предоставлен исключительно сам себе... То, что могло стать поселением-памятником вкладу новой "русской" иммиграции в израильскую культуру, оказалось брошено и разрушено...

Незадолго до того, как должно было отмечаться десятилетие эвакуации Са-Нура, я

встретился с Аркадием Израилевичем в ходе подготовки посвященной этой трагической дате статьи. В мастерской художника я неожиданно для самого себя увидел прежде незнакомый мне и, к большому сожалению, не включенный в изданный нами альбом холст, представлявший собой своего рода некролог, на котором деревня художников на живописном холме была помещена в подавляющую траурную рамку. Увидев мое потрясение от этого произведения, Аркадий Израилевич предложил мне принять эту работу в подарок. С огромной благодарностью я забрал это полотно с собой, но не смог жить "рядом с ним" или даже точнее, под его сенью. Статья была написана, полотно репродуцировано, но спустя несколько недель, я попросил художника забрать его у меня обратно: ежедневно сталкиваясь взглядом с этой работой, каждый раз вспоминая и переживая заново изображенную на ней трагедию, которую нельзя ни объяснить, ни оправдать, я так и не смог.

К огромному сожалению, израильский культурный истеблишмент, в массе своей настроенный леворадикально, не создал практически никаких произведений, осмысляющих насильственную эвакуацию еврейских поселенцев армией еврейского государства по решению его правительства. Эта эвакуация была в особенности болезненной для иммигрантов, которые хорошо знакомую им среду уже однажды покинули, надеясь найти на так называемой "исторической родине" стабильный и надежный кров. Для тех, кого эвакуировали в 2005 году из двадцати пяти поселений сектора Газы и Северной Самарии, эта надежда оказалась совершенно иллюзорной. Я абсолютно уверен, что это полотно Аркадия Лившица должно находиться в постоянной экспозиции Израильского музея в Иерусалиме или Музея Эрец-Исраэль в Тель-Авиве; к сожалению, я не настолько наивен, чтобы не понимать, что этого не произойдет никогда, "наши" художники, а уж тем более "поселенцы", израильской богемой и ее истеблишментом едва ли будут признаны и приняты в обозримой временной перспективе. Я же отношу отдельные полотна Аркадия Лившица и скульптуры Юлии Сегаль, созданные в думках о событиях августа 2005 года, к числу наиболее эмоционально сильных произведений искусства, которые мне довелось видеть.

Несмотря на травму от пережитого им изгнания в, казалось бы, своей стране, для развития которой он столько сделал, Аркадий Лившиц продолжает самозабвенно трудиться, создавая все новые и новые художественные произведения. Не все из них мне близки: мне кажется, что в последние годы стремление сделать "что-нибудь особенное" сыграло с Аркадием Израилевичем довольно злую шутку: прекрасные пейзажи он рисовать перестал, объяснив, будто "их и так пишут все", но на смену им пришли не сказать что прорывные и запоминающиеся абстракции. Видный израильский художник Яков Векслер, вдоволь поэкспериментировав на поле беспредметности, вернулся к тому стилю фигуративной живописи, благодаря которому, собственно говоря, он и останется в истории. Надеюсь, что аналогичный путь "возвращения к себе" пройдет и Аркадий Лившиц.

Окончание. Начало на стр.1

Часто гостя в патриархально-еврейских домах моих бабушек и дедушек, я познакомилась с идишем, но овладеть им мне удалось лишь много позже, уже живя в Иерусалиме, просто при помощи чтения.

С еврейским вопросом я начала знакомиться рано и отдельные этапы этого знакомства крепко врезались в мою память. Помню себя, стоящей на балконе возле матери и радостно глядящей на плывущие по воздуху прелестные белые хлопья. Мама, сказала я, какой снег! И так тепло! Мать молчала. Почувствовав, что она не разделяет моего восторга, я подняла глаза и увидела ее лицо - все в слезах. Я испугалась. Мама, отчего ты? Мама, это не снег? "Нет, - ответила мать, с трудом выговаривая слова: - Это не снег, это перья из еврейских подушек"... Все дети в этой сионистской семье изучали иврит. И все служили стране до последнего дня жизни. Мирьям была счастлива, что знала иврит с детства.

В Израиль (тогдашнюю Палестину) они переселились в 1920 году. Через несколько лет Мирьям снова поехала в Берлин, где изучала еврейскую историю, философию и другие науки, а потом и в Париж, там окончила институт библиотек-коведения. В Иерусалиме, в Национальной и университетской библиотеке она проработает потом в общей сложности 30 лет, заведя славянским отделом...

Она задает себе вопрос, и сама на него отвечает: "Когда я стала писать для детей? Приблизительно в 1934 году - вдруг и неизвестно почему... Нет, это не совсем верно: никогда я не писала для кого бы то ни было и, кстати, никогда не писала, потому что "требовалось". Чтобы сохранить полную независимость, я всегда зарабатывала на жизнь нелитературной работой. Так вот, начала я писать стихи, а позже и рассказы, которые по свойствам языка и трактовке сюжетов оказались подходящими для детей. Я "нашла себя" именно в этих формах, внешне как будто очень простых, ясных, спонтанных и "первичных", а внутренне, в сущности, не отличающихся от лирики вообще и дающих возможность выражения своего "я". Когда речь идет о мире чувства - я не вижу разницы между человеком в 3 года, 33 или 63. Разница в знании, в жизненном опыте, но не в чувстве. Во всяком случае, так мне кажется. Думаю, лучше всего, цельнее всего мне удалось приблизиться к выражению самой себя именно в детской литературе".

Мирьям Ялан-Штекелис получила очень много разных призов и премий за свои книги. Но главную - Государственную премию Израиля среди детских писателей она получила самой первой. И вот как мотивировали члены жюри вручение ей этой премии: "Свой огромный талант она посвятила детям. Не осколки своего творчества дала она им, а всю свою жизнь, с ее радостями и печалью, с ее фантазией и действительностью. Ее стихи для детей пропитаны тем особым ароматом поэзии, которым всегда пропитаны стихи высокого художественного

Девочка Мира

уровня. Наслаждаются ими наравне с детьми и взрослые. Ее стихи и рассказы стали золотым фондом нашей детской литературы!".

До сих пор мы говорили о веселых считалках, шуточных стихах, а очень знаменитой Ялан-Штекелис стала как раз благодаря грустным стихам. В одном интервью она признается: "Как дети рождаются в муках, так и стихи - "плоды" моих личных переживаний. Стихи мои рождаются не когда я счастлива, а когда душа болит".

"Я надела самое красивое платье и фартучек с розовым цыпленком. А кто не пришел?... Михаэль. Уложила кукол спать и подумала: им знать ни о чем не надо, и чтоб не мешали нам: мне и Михаэлю. Сидела у окна, вслушиваясь в каждый шорох, и шептала: Михаэль... Постояла на балконе, спустилась во двор, вернулась, ждала. Михаэль не пришел... Завтра утром пойду в детский сад, сяду там и буду плакать..."

Все ее думы укладываются в одно имя - Михаэль! А за ним - целая драма. Жестоко и просто. Роман для взрослых. К слову, Мирьям попробовала сделать перевод на русский, но поверьте на слово: насколько ивритский поэтический текст просто волшебен, настолько русский обезвожен и обезличен. Сам Михаэль, став Мишенькой, мало располагает к сопереживанию (подумаешь, какой-то там Мишенька)...

А что за форма такая на иврите: "У ми ло ба?". Просто сказать: "А он не пришел". Но завораживает именно найденная ею форма вопроса: "И кто же не пришел?". Как тяжкий вздох, обида, разочарование, эта форма вопроса стала кодом, выражением тоски по несбывшейся надежде. Методист (из журнала) предлагает учителям такой пример: "Я ждала звонка в среду. Он не звонил. Позвонил в пятницу как ни в чем не бывало. Если я прямо спрошу: почему ты не позвонил, он подумает, что я жить без него не могу. Но и ссориться тоже не хочу. Я великодушна, но горда. Сделать вид, что ничего не произошло? Нет, так тоже не пойдет. И я говорю как бы шутливо: "Так кто же не пришел?".

До стихотворения "Михаэль" такой формы вопроса не существовало. Сейчас она распространена повсеместно, как и другие находки Мирьям Ялан-Штекелис.

Шошанит вместо шошана, чтобы представить нам эту сударыню розу, которая пришла со своим супругом Шошаном, а вот и заяц Шафан со своей Шафанит (или Шфанфанит). А ее потрясающая придумка: слово "левадити"!

"Левад" - один (одна), сам, в одиночестве... Мирьям сочинила из него глагол: левадити! Вы правы, нет такого глагола на иврите, но нет и такого ребенка, который бы моментально не понял, что такое "левадити вз-бахити" (сидела в одиночестве и плакала). Дети воспринимают это точно так же, как мальчик у Чуковского: у меня для Петеньки леденцы в пакетенке. А еще лучше про Лялю, девочку, похитившую мамин тупли. Она их примеряла и присебякала.

Откуда это "левадити"? Из "Истории об одинокой девочке".

Художница Циля Биндер изобразила девочку, сидящую в пестром платьице на стуле. Она сидит, поджав ноги, руки как будто обнимают друг друга. Кисть правой руки сжимает локоть левой, и наоборот. Сжалась вся, так и сидит. Подняла голову, смотрит в окно. Тень, ничего не видно, но можно вообразить, например, мохнатые ветви... Ветви или лапы чьи-то мохнатые? Вот они смыкаются, и возникает подобие глаза, вроде ничего и нет, темно, но что-то такое как будто наблюдает за тобой. А в левом углу, вверху - круглая луна, пустой овал, без лица.

"Месяц-месяц, - шепчет девочка, - Расскажи мне что-нибудь, только веселое, и не говори, что вот этого делать нельзя и что у тебя нет времени... Мамы нет, папа тоже ушел. Дома пусто, до того пусто, будто чужое все".

А сейчас ответьте, что вы делаете, когда никого нет рядом - и так долго, и одиноко, и страшновато? И ночь?

"Я посидела немножко в кухне и сама не заметила, как стала хрустеть огурцом. Как он возник в моей руке, большой такой огурец, квашеный, из жбана? Я ли за ним в банку рукой полезла, или он сам выскочил и оказался в руке? Я его съела, но нечаянно задела за рюмку, она разбилась, и у меня так сильно сердце заколотилось, что я тихонечко, на носочках, на цыпочках, быстро-быстро бегом из кухни. Уф, взяла книжку, читала слова, много-много слов... Вам странно, что я так говорю? А я же не могу успокоиться: будто читаю, но про что, не понимаю, вот и читаю слова и слова... Потом я уложила всех кукол и стала представлять, будто я - дочь короля, просто заблудилась, то ли я на волшебном острове, то ли в страшном лесу... А там волки, и я скорее - на дерево, а они внизу пасти разевают, голодные... А я сижу высоко, не достать меня. И тут я засмеялась, будто ничего не боюсь. Слово знаю такое, волшебное, что могу увидеть, если захочу, много чего и даже чудесную сверкающую карету - и вот я уже в ней, и карета вмиг домчала меня домой! Я дома... Но дом пуст. Ни звука. Никто не придет. Никто не засмеется, даже не поругает... Месяц, расскажи мне что-нибудь... А если не знаешь, о чем, расскажи про девочку одинокую..."

Вот и весь сказ. Можно написать, что вся она тут, та, о ком сегодня речь, и так ли уж важно, о себе ли говорит или чужую боль умеет почувствовать.

А когда изменяют - легче?

В детстве ее называли Мира, Мирочка Виленская. В Израиле стала Мирьям.

Песни на стихи М.Ялан-Штекелис (2 диска)

Детский поэт Мирьям Ялан-Штекелис

Фамилию Ялан придумал папа, это акроним его имени, то есть полное имя отца звучало так: Иехуда Лейб Нисан Виленский. Выйдя замуж в 1929 году за археолога Моше Штекелиса, добавила к Ялан и его фамилию. М.Штекелис (1898-1967) родом был из Каменец-Подольского. Приехал в Эрец-Исраэль в 1928-м, а уже через год считался первым израильским специалистом по первобытной археологии. Мирьям ценила его, в первую очередь, как друга, товарища.

Рисунки к первой книжке поэтессы делала художница Бина Гвириц (1913-2008). Она родилась в Польше, но долгие годы прожила с родителями в Германии. Хорошая художница. На время работы над книжкой "Ацу-рацу гамадим"

Мирьям пригласила Бину пожить у нее, к тому же они готовили уже новую книгу Мирьям "Алфони" ("Моя азбука"). За время работы художница Бина сильно влюбилась в археолога Моше (доктором наук и профессором он станет позже) и не скрывала, что боготворит его, поэтому как только обе книги вышли, Бина с легкостью увела мужа Мирочки с собой и навсегда...

Какая банальная история, если со стороны глядя. А как самой пережить?

Творчество - вот главное лекарство в ее беде. Не тогда ли было написано знаменитое стихотворение "Дани-Гибор" ("Дани-герой")?

Как оно написалось? Мирьям, каждый понимает, страдала. Сидя в приемной у врача, она вдруг взяла ручку и написала лирическое стихотворение об обманутой любви, где всю свою боль перенесла на мальчика по имени Дани, который отдал Нурит все, что у него было, - и цветок, и яблоко... А что же Нурит? А Нурит яблоко съела, цветок выбросила и пошла играть с мальчиком, с другим мальчиком. Дани никогда не льет слез, ведь он настоящий герой. А он и не плачет, но вот слезы... Слезы плачутся сами...

Сколько же крови испортили Мирьям Ялан-Штекелис разные нянечки малокультурные, и даже издатели подчас исправляли ее: раз слезы, значит льются, текут, бегут по щекам... Но Мирьям за

Моше не боролась, а за стихи - всегда! Она была очень добрым человеком, но когда дело касалось творчества, спуску никому не даст, до крайности педантичная и требовательная.

Вот еще одно интересное выражение, за которое она боролась: "Моей кукле спать пора, Часы сказали мне: 'уже пора с четвертью'". Все пытались поправить ее: что это еще за фокусы, что значит "пора с четвертью"? А мамы принимали это выражение за собственное открытие! Как это не пора?! Пора, давно пора спать, Дани, уже "пора с четвертью".

Ицхак Орен сказал тогда по телефону, что Мирьям была очень маленького роста и встречать ее у входа в их дом приходилось бегом, чтобы обогнать свою большую собаку, которая с радостью накидывалась на симпатичную ей гостью. Собаки чуют добрых людей. А хозяин каждый раз боялся, что его собака, не дай Бог, уронит знаменитую детскую писательницу и друга дома. Он вспоминал о ней с нежностью. Чужие бывают добрее близких. Мне понравилось, как сказал про Ялан-Штекелис сынишка ее подруги Герцлии Раз: "Смешная писательница. Зачем писать стихи, которые мы все знаем наизусть?".

Мы уже говорили, что она перевела и очень хорошо, книгу русских народных сказок? Да пересказала и множество любимых нами стихов Маршака и Чуковского. Все есть на иврите. Удивительное дело, если взрослые писатели заимствуют друг у друга сюжеты, это называется плагиатом. В детской литературе это явление всеми признанное и благородное - донести лучшее из мировой классики до каждого ребенка на его языке. Чуковский писал своего доктора Айболита с виленского доктора Шабада. Но идею и сюжет-то он позаимствовал у английского писателя Хью Лофтинга, сделав его доктора Дулитла "нашим" доктором Айболитом. Итальянец Пинокио из сказки Карло Коллоди превратился в Буратино Алексея Толстого, а басни Жана де Лафонтена - в басни Ивана Крылова. Вот так и русские герои из книжек вошли в строй ивритской речи и детской литературы. Честь и слава детскому писателю, если он способен донести на иврите образы, строй, ритм, юмор Рассеянного с улицы Бассейной или Мойдодыра, или "Багаж": "Дама сдавала в багаж диван, чемодан..." и т.д. и т.п.

Два последних сочинения и многие-много другие - из Льва Толстого, Соллогуба, Твардовского, Юлиана Тувима, зазвучавшие на иврите, - дело рук мастера Мирьям Ялан-Штекелис.

А что такое или кто такой Тинтан? Сначала кажется, что речь идет о маленьком, но настоящим друге по имени Тинтан ("Ли еш едид у-шмо Тинтан - вэ-у катан-катан-катан"). Но постепенно мы погружаемся в тайну - Тинтан спит в моей кровати, ест с моей тарелки, но никто никогда не видел его и не слышал его - ни мама, ни папа, ни баба, ни дед... Оказывается, Тинтан - воображаемый

друг, который поддержит в трудную минуту, ну, а если что-то натворишь и страшно признаваться, то на него можно свалить вину (помните: "Надо отвечать за свои поступки, - строго сказал папа, - а не сваливать вину на какого-то Карлсона с крыши")...

В жизни Мирьям однажды появился свой Тинтан, он был вдвое моложе ее, и высокий, и красивый, но другие люди говорили, что бывает и злым, и даже буйным... Мирьям дали послушать ее же стихи, но уже в виде песни, на музыку Шмулика Крауса. Он любил ее стихи с детства. Услышав его музыку, восторженно произнесла: вот этот человек меня понял! Шмулик напишет музыку ко многим стихам Мирьям Ялан-Штекелис. Они не просто подружились: она относилась к нему как к родному сыну, своих детей у нее ведь не было, а однажды пошла в суд, чтобы сказать защитные слова про его нелегкую жизнь, но очень доброе сердце, и судьи ей поверили. Когда же она заболела и оказалась в больнице, он приезжал к ней почти каждый день, и все думали, что она его мама. И он так считал...

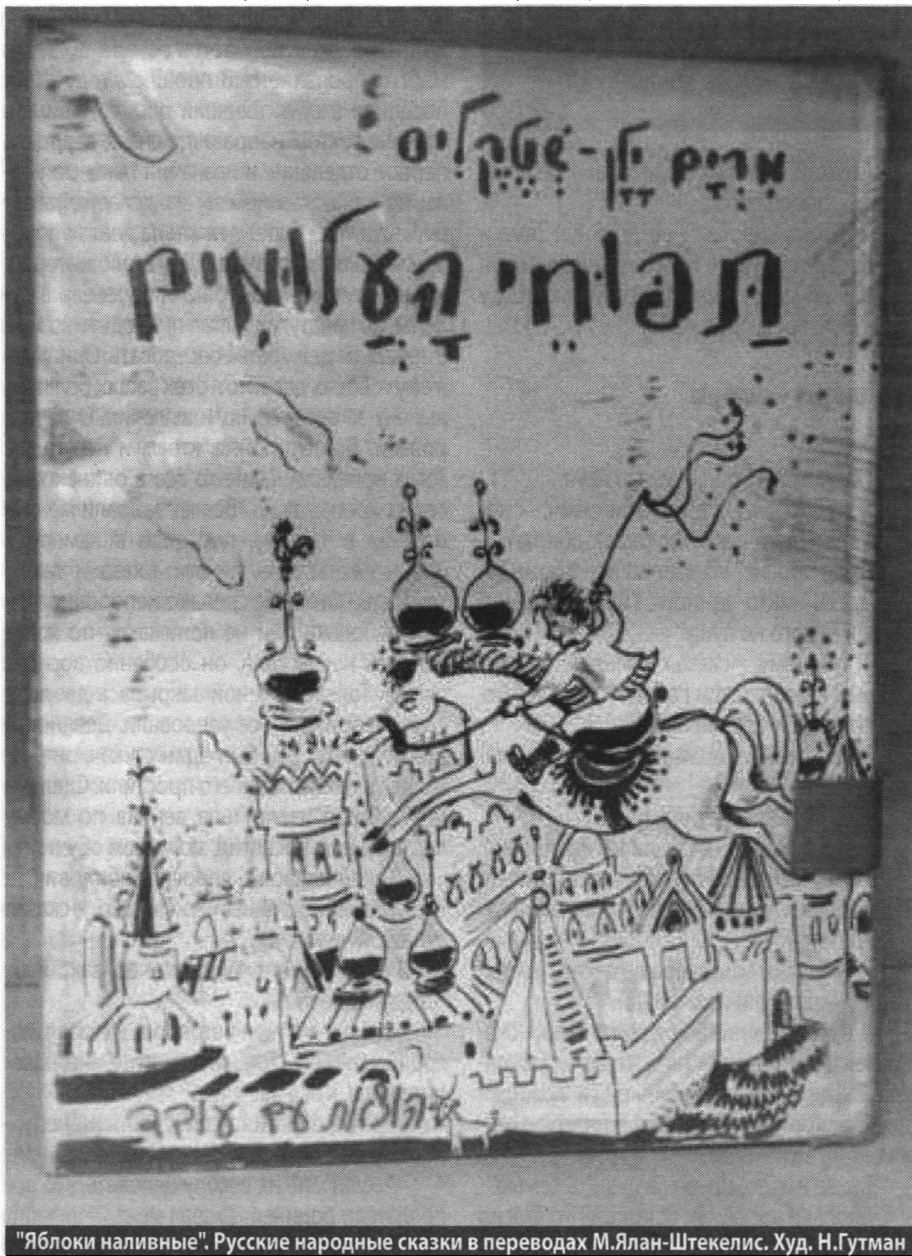
Первым ушел ее бывший муж профессор Моше Штекелис - в 1967 году, Мирьям прожила с ним всего десять лет, а Бина Гвириц - двадцать восемь. И у нее не было детей, но она пережила их обоих. Мирьям Ялан-Штекелис умерла в 1984 году, а Бина в 2008-м. Долгие годы они жили в пяти-десяти минутах ходьбы друг от друга, но как-то не встречались. У творчества Мирьям Ялан-Штекелис оказалась не просто удачная, а счастливая судьба - ее книги переиздаются, в интернете можно услышать, как исполняют ее песни и дети, и самые известные солисты и ансамбли. И есть театральные постановки, и есть мультфильмы.

А мне вспомнилось другое время, когда имени Мирьям Ялан-Штекелис мы еще не слышали, другое время и другие стихи.

"Странной силою ведомый, я вошел в гусиный домик. За столом и чашей пунша, в свете карточной игры, под тик-так часов-кукушки ждали Андерсен и Пушкин, Гофман, Киплинг и Чуковский, кот Мурлыка, Братья Гримм. И сказал Чуковский: 'Сядьте! Мальчик Сеня, ты - читатель. И, конечно, как читатель, без завистливых затей, ты рассудишь, ты научишь, кто из нас, сидящих, лучше пишет сказки для детей!'

Если бы написавший эти строки Семен Исаакович Кирсанов (1906-1972), "мальчик Сеня", имел честь быть знакомым с первым лауреатом Государственной премии Израйля в области детской литературы, с ее стихами и сказками, я думаю, он не забыл бы поставить в этот замечательный ряд и даже зарифмовать нашу Мирьям Ялан-Штекелис... Неужели он не знал таких стихов: "ацу-рацу гамадим" и "агу-хагу барвазим", или про куклу Эзаву и малыша Тинтана? Жить надо долго, чтобы до всего дожить...

Мне она напоминала российскую актрису Рину Зеленую - шляпка с лентой, очки, острый носик...

"Яблоки наливные". Русские народные сказки в переводах М.Ялан-Штекелис. Худ. Н.Гутман

Владимир РАБИНОВИЧ,

Нью-Йорк

Гроссмейстер Минска
Зяма Шварц

В тот вечер, когда я пришел из школы домой, домработница Реня сообщила, что у нас гость.

"Идзи, жы.яне, паешь уместе з ими, я там бульбы нажарыла", - сказала Реня и ласково шлепнула меня по затылку.

В самой большой комнате, в которой стоял стол и которая поэтому называлась столовой, хотя завтракали, обедали и ужинали мы всегда на кухне, сидел гость - зубной техник Зяма Шварц.

"Зямка ничего не боится, - с восхищением говорил мой папа, - открыто по золоту работает. Другого бы уже давно посадили".

На столе стояла большая сковорода жареной, по-деревенски пятаками, как это умела делать только Реня, с салом и яйцами, картошки, миска квашеной капусты с клюквой и бутылка трехзвездочного грузинского коньяка. Евреи выпивали и выпили уже полбутылки.

- О, - сказал Зяма, разглядывая меня странным взглядом с ног до головы, - у тебя красивый ребенок.

- Он еще и умный, - сказал уже опьяневший от двух рюмок коньяка мой папа.

- В чем же проявляется его ум? - иронично спросил Зяма.

- Скажи, - потребовал у меня папа.

- Я не знаю, - сказал я.

- У него разряд по шахматам, - гордо сказал папа.

- Какой? - спросил Зяма.

- Какой у тебя разряд? - спросил папа.

- Четвертый, - ответил я.

- Взрослый или детский? - спросил Зяма.

- Нет разницы, - сказал папа. - Он у взрослых выигрывает тоже.

- Ты хочешь сказать, что он может выиграть у меня? - спросил Зяма.

- Может, - сказал папа не совсем уверенно.

- А какой у вас разряд? - спросил я.

- А какой самый? - спросил Зяма.

- Гроссмейстер международного класса, - сказал я.

- Я гроссмейстер Минска, - сказал Зяма.

- Ну, сыграй с ним, - сказал папа.

Я принес шахматы и, глядя на то, как неуверенно Зяма начал расставлять шахматные фигуры, пытаюсь скопировать в построении уже расставленные мои, понял, что в шахматы он играть не умеет, и поставил ему детский мат.

- Все, - сказал я, когда Зяма попытался пойти какой-то фигурой.

- Что все? - спросил Зяма.

- Вы проиграли, - сказал я и для убедительности снял с доски его короля.

- Почему, - спросил дрогнувшим голосом Зяма.

- Вы потеряли короля, значит проиграли.

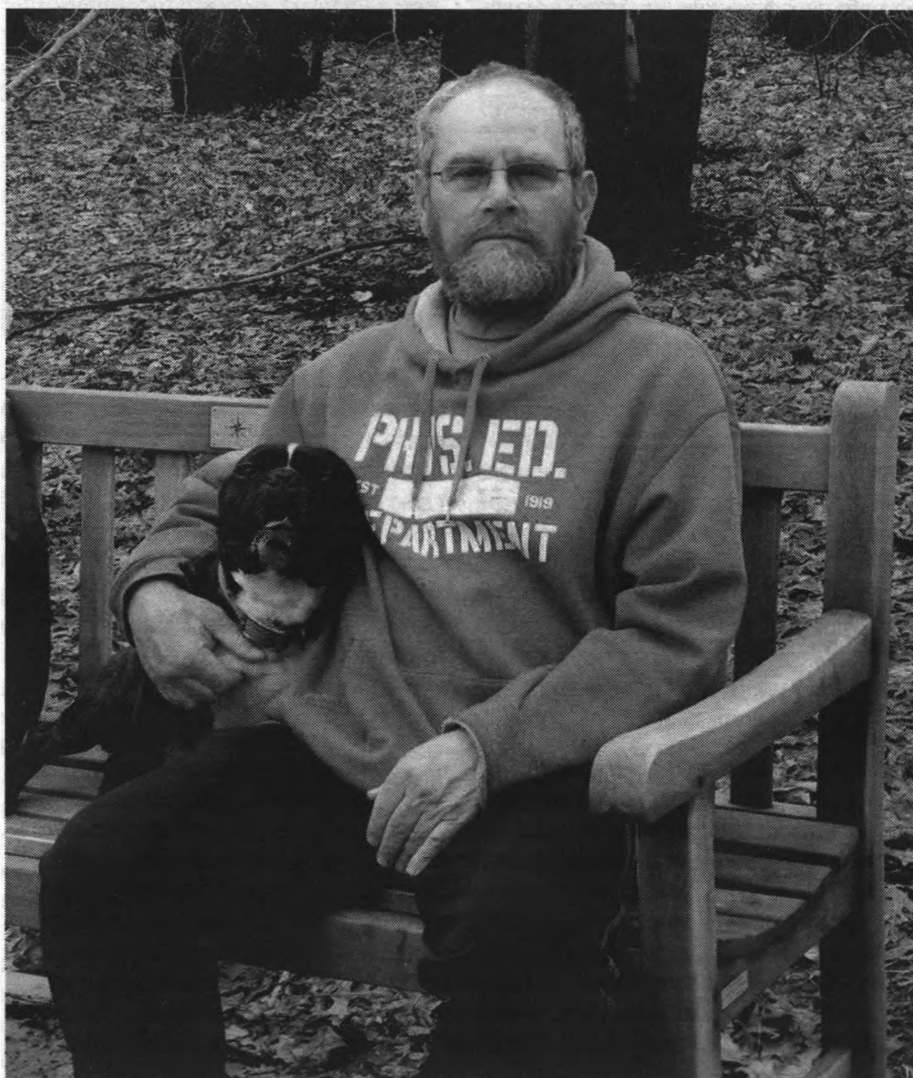
● Мой папа преувеличенно громко рассмеялся и стал разливать по рюмкам остаток коньяка.

- Это что, такое правило? - спросил Зяма.

- Да, - сказал я.

- Первый раз слышу, - сказал Зяма.

ТРИ РАССКАЗА

- Не спорь с ним, - сказал папа Зяме, - он знает все шахматные правила.

- А кем ты хочешь быть, мальчик, когда вырастешь? - спросил Зяма.

Я в это время читал книжку рассказов про майора Пронина и, не сильно задумываясь, сказал:

- Милиционером.

Папа и Зяма переглянулись, и Зяма спросил:

- Почему милиционером, почему не зубным техником, например?

- Над зубным техником все смеются, - сказал я.

- Кто смеется над зубным техником? - спросил мой папа.

- Когда у меня в школе спрашивают, кто твой папа, и я говорю - зубной техник, все смеются.

- Смеется тот... - сказал Зяма и поднял указательный палец вверх, - кто что? - обратился он ко мне с папой.

- У кого есть зубы, - сказал папа.

- Кто смеется последний, - ответил я.

- Почему последний, - сказал Зяма обиженно.

- Так пословица говорит, - сказал я.

- Что это за пословица? - спросил Зяма.

- Русская народная пословица.

- Ты только русские пословицы знаешь? - спросил Зяма.

- А какие еще бывают?

- Еврейские, - сказал Зяма Шварц.

- Еврейские мы не изучали.

- Очень плохо. Еврейский мальчик должен знать еврейские пословицы.

- Слушай, Зяма, не дури моему ребенку голову, - сказал папа.

- Хорошо, хорошо! - воскликнул Зяма и поднял руки вверх. - Но одну пословицу я ему все же скажу. Пока русский смеется, у еврея есть время подумать.

Все люди - еврей

- Подними окуроч, - сказал мент.

- Я не бросал, - сказал Рабинович, - с какой стати я буду чужие окурки подбирать.

- А кто бросил? - сказал мент. - Кроме ваших, здесь никто не стоит. Пока не поднимешь, я никого не пущу.

- Я подниму, - сказал молодой парень, который стоял позади Рабиновича. Он быстро нагнулся и поднял окуроч.

- Иностранная, можешь докурить, - сказал мент.

- Я не курю, - ответил парень.

- Как вы смеете! - разозлился Рабинович.

- А ты у меня еще попи.ди, - сказал мент, - пойдешь в конец очереди. Пропускать буду по пять.

- Почему по пять, вчера по десять пропускали?! - крикнули из очереди.

- А в мое дежурство будет по пять, - сказал мент. Он отсчитал пять человек, дотрагиваясь до каждого дубинкой, и пожилая еврейка, которая не попала в пятерку, сказала:

- Вы не имеете права разделять семью.

- Сколько вас семьи осталось? - спросил мент.

- Я и моя внучка, - сказала еврейка.

- Поменяйтесь с кем-нибудь, - сказал мент.

- Давайте останемся, - сказал молодой парень, который стоял рядом с Рабиновичем. Они отступили в сторону и пропустили пожилую еврейку с девочкой, которую она держала за руку, вперед.

Мент посмотрел на молодого парня и сказал:

- Ты же не еврей, чего ты туда лезешь?

- Все люди - евреи, - сказал молодой человек.

- И я тоже еврей? - спросил мент и покрутил дубинкой на ремне, как пропеллером.

- Нет, - сказал Рабинович, - вы не еврей.

- Слава богу, - сказал мент, - еще не хватало быть евреем.

- Вы все неправильно делаете, - сказал молодой парень Рабиновичу. - Вы вызываете у них негатив, потому что руки зажимаете в кулаки. У вас тогда пси-поле короткое и все под ноги идет. Давайте я вас научу. Сложите пальцы щепотью, как бы кормите птичек, и отведите мизинцы в сторону. Видите, у вас получилась петля, набросьте ему на шею.

- Нет, не вижу никакой петли, - сказал Рабинович.

- Странно, вы же спирт, - сказал юноша.

- Откуда вы знаете?

- От вас такой фон идет, за километр чувствуется.

- Вы тоже спирт? - спросил Рабинович.

- У меня пророческий дар, - сказал молодой человек. - Сейчас такое время, это у многих проявляется. В прошлом году меня посадили в сумасшедший дом, в Новинки.

Сперва доктор направил меня в двадцать первое отделение и назначил тяжелые уколы, но я сказал, зачем вы это делаете, вы еврей, этот грех будет лежать на девяти поколениях ваших потомков. Ему стало интересно, он отменил уколы, меня перевели в отдельную палату, и он стал приходить ко мне в вечерние дежурства беседовать. Однажды я ему говорю, давайте я всех ваших больных вылечу за один сеанс, и вылечил. Они уверовали. Доктор понял, кто я, и испугался. Тогда приехали какие-то все в одинаковых серых костюмах на "Волге", забрали меня и отвезли в тюрьму, посадили в камеру к очень несчастным людям. Сказали такую глупость: "Они тебе сделают непорочное зачатие". Только они не понимают, что когда человек несчастлив, он особенно восприимчив. Только за мной закрылась дверь, я стал говорить, и все уверовали. Девяносто два человека. Там был один стукач, он раскаялся и плакал. Они его простили. Сделали мне символ из прутьев венника по моему чертежу, я их посвятил, молитвам обучил.

- Какой символ? - спросил Рабинович.

- Малый адронный коллайдер, - сказал молодой человек.

В этот момент милиционер закричал: "Следующие пять!"

- Сейчас я с ним поговорю, - сказал молодой человек. - Только помогите мне, наведите поле, как я вас учил.

- Брат, - обратился он к милиционеру, - почему ты так жесток с этими людьми?

- А хули мне их в жопу целовать, это все предатели родины, - сказал мент.

- Ты ошибаешься, брат, эти люди стоят в

своей скорбной очереди, чтобы получить свободу. Пропускай их по десять человек, как было прежде и не разделяй семьи.

- Да что мне жалко, пусть хоть все сразу идут, только я не понимаю одного, почему им можно свободу, а мне нельзя? - сказал с обидой мент.

- Это евреи, брат, - сказал молодой человек.

- Ну, так что с того, может, я тоже еврей, - сказал мент.

- Тогда становись к нам, - сказал Рабинович.

Мент на секунду задумался, потом снял с головы свою милицмейскую фуражку, бросил на землю, пошел и стал в конец длинной очереди.

Сублимация

А так вообще он не ходок, для любви ему нужна одна, всего лишь одна единственная женщина.

Его жена, нежная, чистая девочка, девственная, как кукла Барби, которую достали из фабричной коробки, чтобы показать покупателю, происходила из скромной семьи. Родители - поколение, вырвавшееся из колхозов в столичный, с первым уровнем обеспечения город. Десять лет борьбы за постоянную прописку. Скромный быт, тяжелый труд, простая еда.

К шестнадцати годам вдруг все увидели, что в маленькой, узкой как школьный пенал, комнатке, в хрущевке на Казинца, которую отцу выделили на мясокомбинате после семнадцати лет работы в убойном цеху (там и ревматизм нажил, потому что ходил все время в резиновых сапогах) обитает сказочной красоты, античного сложения высокой, выше всех в семье, роста, дева, ни на кого из родственников не похожая. Мать вспомнила, что по линии ее бабки в роду были какие-то шляхтичи, наверное от них.

Его еврейский папа, когда узнал, что он хочет жениться, сказал, что эти шляхтичи - большие антисемиты. А женщины у них называются шляхтички, тоже антисемитки.

А хоть бы и шляхтички. Сексопатолог сказал, что это могло быть заложено в подсознание еще когда он, не умея читать и писать, листал первые свои книжки и разглядывал картинки. Василиса прекрасная - модельная блондинка, девушка из танцевального ансамбля "Березка", танцовщица из театра музкомедии, соседка по лестничной площадке Яна Валасевич. Яна выходила к мусоропроводу в одном коротком халате. Услышав грохот железной задвижки, он бросал уроки и бежал к двери, успевая разглядеть принцессу из сказки с пластмассовым красным ведром в руках.

- Да, да, - сказал он сексопатологу, - именно в глазок. Это важно, потому что, когда возникли первые подозрения, заказал подсматривающую и записывающую аппаратуру, которую ему установил мастер из радиомастерской. Сам уехал по делам в Германию. Радиомастер, который снял недельную запись на диск, сказал:

- Классное видео. Я бы себе копию сделал. Вы не против?

Запершись в своем кабинете, он стал просматривать и увидел, что с его девочкой, его женой состоит в половой связи (ах, ка-

кое бы здесь подобрать правильное слово) какое-то лицо кавказской национальности. И все остальное у него кавказской национальности тоже.

Камера имела специальный объектив с углом видения в 180 градусов, как у акулы, и это давало эффект дверного глазка. Он смотрел домашнее порно с участием жены, ставил на паузу, отматывал и опять смотрел. Плакал и наслаждался. Сексопатолог сказал, что это, в чистом классическом виде, мазохизм.

Нет, он не какой-нибудь там поц-айд, он богат. Один из самых богатых людей в городе. За несколько лет перестроечного хаоса не разбогател бы только ленивый. О, сила больших денег. Сексопатолог сказал, что в естественной природе самцы красивее самок, а у человека наоборот, самка всячески украшает себя, самцу же достаточно мыть ноги и чистить зубы, но богатство - вот главный вторичный половой признак мужчины.

Она легла с ним в постель в первую ночь знакомства, и это была их первая брачная ночь, потому что плененный ее красотой, он предложил зарегистрировать отношения.

Через год родила ему девочку, такую же, как он, - некрасивую.

Набросился на ребенка с невероятной яростью обожания и любви. Она с любопытством наблюдала со стороны его возню с дочкой и понимала, как сильно они не похожи на наших - еврей. Истерические проявления родительского инстинкта этой чуть было не уничтоженной, со всеми их детьми, нации, выглядели, конечно, со стороны немного комично, но в целом, если подходить практически, в этом было больше пользы, чем вреда. Вреда было только то, что они сильно забалывают своих детей. А пользы - она понимала, что чем сильнее он любит ребенка, тем сильнее должен любить ее.

Он же, в силу своего общего отношения к жизни, старался секс организовать правильно. Долгая прелюдия. По совету сексопатолога подбирал музыкальные произведения как классического, так и популярных жанров. Безукоризненно соблюдал чистоту и гигиену тела мужчины, а недостатки еврейской фигуры компенсировал занятиями в спортивном зале. Выучил наизусть скопированную на ксероксе карту эрогенных зон женщины. Мог элементарно ходить по этой карте в темноте и с закрытыми глазами. Не спешил, ждал, смотрел, как пробегает по ее телу этот десятисекундный эпилептический припадок, который он настойчиво, кончиками пальцев, касанием языка, быстрыми по-кроличьи ударами короткого члена вызывал у нее, покинутого душой, тела. Куда она улетала каждый раз? Недалеко, парила над их альковом на удалении пяти метров. В их квартире были высокие потолки. Он отстранялся, вглядывался. Что-то открывалось на одну пятнадцатую секунды и следовала слепящая вспышка, он не успевал ничего разглядеть.

А сейчас вот, прямо перед собой, он видел все на мониторе компьютера в том самом формате рыбьего глаза. Кавказец мучал, истязал, насиловал его жену, и она билась в его руках, словно вытасченная на берег большая красивая рыба с белым животом.

Вечером, когда ребенок уснул, они закрывались в ванной комнате с джакузи. Она

выпила для тонуса свою рюмочку метаксы, а он, на всякий случай, чтобы подстраховаться, разжевал невыносимо горькую таблетку виагры. Лекарство, как инструктировал сексопатолог, впитываясь слизистой рта, действует быстрее.

- У меня нормальный член? - неожиданно спросил он.

Она потрогала его ласково под водой и сказала:

- Нормальный, мне хватает, - и даже нырнула, чтобы член поцеловать, но когда вынырнула, он сразу спросил:

- А у грузина член больше?

- Какого грузина? - еще спросила она, но по тону стало ясно, что уже все поняла.

Он смотрел на нее, и в нем нарастало желание. Начала действовать виагра. Нет же, конечно нет, не стал он любить ее меньше, а даже, может быть, больше, потому что в отношении к ней прибавилось еще одно - сильная ревность.

- Он не грузин, - сказала она, - а чечен.

- Чеченец, - поправил он.

- Чечен, - сказала она. - Ты же не говоришь евреец.

Только тогда он понял, как у них далеко все зашло.

- Послушай, - спросил он на всякий случай, - то, что ты делаешь с ним, почему ты никогда не делаешь со мной?

- Ты не просил, - сказала она.

- А он просил?

- Он меня заставлял, - сказала она безмятежно.

- Сделай мне тоже самое, - попросил он.

- А ты меня простишь? - спросила она.

- А ты его оставишь? - спросил он.

- Нет, - совершенно спокойно сказала она.

Утром, взяв на руки ребенка и волоча за собой два больших пластиковых мешка с детскими вещами, она ушла.

Он остался один в большой, в слишком большой для него сейчас, бывшей генеральской четырехкомнатной квартире с окнами на Ботанический сад. Позвонил сексопатологу, рассказал о том, что случилось, и спросил:

- Что мне делать?

- Тебе нужна хорошая сублимация, - сказал сексопатолог. - Заведи себе какое-нибудь домашнее животное. Лучше всего аквариумных рыбок.

- Какой у вас аквариум? - спросил продавец в магазине "Природа".

- У меня нет аквариума, - сказал он.

- Тогда я бы посоветовал вам начать с выбора аквариума.

- Вот этот круглый сколько будет стоить?

- Это плохая идея, круглый аквариум, - сказал продавец. - Круглый аквариум сильно искажает. Ощущение, как будто смотришь через дверной глазок.

- Я хочу купить круглый аквариум, - с необычной для его покладистого характера твердостью сказал он.

К аквариуму прибавилось искусственное растение, нагреватель, компрессор для аэрации и две рыбки: петушки, самец и самочка.

- Эти лабиринтовые, самые простые рыбки в разведении, - сказал продавец. - Они все сделают сами.

Видели ли вы, как это делают лабиринтовые. Нет, вы не видели. Если вы подняли тем-

пературу в аквариуме до тридцати двух градусов по Цельсию и сменили треть объема воды, рыбам вдруг показалось, что сейчас весна, греет солнышко, цветут деревья. Любовники сбросили с себя одежду и стали прекрасными и голыми, как рыбы. Как первые люди в раю. И что-то такое разлило кругом, отчего самые дурные мысли в голове и невыносимо хочется делать, делать, делать это.

А как самец ухаживает за самочкой. Эти veiltail betta male способны закружить голову любой самке, а тем более такой наивной и глупой, как veiltail betta female.

И хотя перед глазами созерцателя происходит акт соития, нерест лабиринтовых можно показывать детям. Никаких половых членов там или срамных отверстий, как у ебливых гуппи, например. Боже упаси. Они же икротечущие. С большим искусством самец работает исключительно по эрогенным зонам и вызывает у самки оргазм, пароксизм счастья, и эта курва, сука бля, эта сволочь, гадина, тварь, изменщица проститутка, мечет икру. А самец... Самец, развернувшись цветком в невероятном па, становится таким красивым, что на него невозможно смотреть без солнечных очков и кидает в воду едва заметное облачко. Летите, голуби, летите... Это молоки, они сами подплывут к икринкам и внедрятся. Но аквариумист этого не видит, чтобы увидеть, нужен микроскоп.

Самец бережно собирает всю икру ртом и кладет в гнездо, которое, как хороший отец и прекрасный семьянин, изготовил из пены, из пузырьков воздуха, из вязкой слизи, которую выделяет изо рта. Как поплавки, пузырьки прилепляются к икринкам и держат их в гнезде. Самец быстрый, ловкий, стремительный и очень аккуратный. А самка дура, блондинка, конченная идиотка, ничего не умеет, только путается под ногами, мешает. Пытается неловко ухаживать за гнездом из пены, где на третий день зреют уже головастики, личинки. Личинки дрыгаются, дрыгаются - неразумные, беззащитные, и выпадают из гнезда. Тварь кидается их ловить, чтобы тащить назад и ломает во рту. Они, погибшие, усеивают стеклянный пол, как отпавшая завязь на траве в саду, а самец психует и бьет, бьет, бьет курву, мразь, сволочь, проститутку из Троицкого предместья. Что-то, а это он умеет. Он же бойцовая рыбка в конце концов. Самка удирает в заросли. Вот и пригодились искусственные растения из пластмассы. Если заросли не поставить, то в тесном аквариуме самец ее быстро заберет. Самка сидит в зарослях пластмассовой травы и не может выйти из укрытия даже к кормушке, чтобы поесть. А там уже всю пошла мальки, они хорошо плавают, любознательны, наивны и отплывают далеко от гнезда. Да и самого гнезда уже больше нет. Родительское гнездо разорено, заброшено. Некоторые, самые смелые и сильные, заплывают уже в заросли, где сидит обезумевшая, голодная самка и как только мальки приближаются достаточно близко, хватает и пожирает их - своих собственных детей.

- Ах ты, гадина! - восклицает мой герой, зачерпнул самку сачком, несет в туалет, выбрасывает в унитаз и отвернувшись, чтобы не смотреть, ощупью нажимает клавишу слива воды.

ИССЛЕДОВАНИЕ: ПОЧЕМУ ЧЕБУРАШКА - ЕВРЕЙ, НО ПРИ ЭТОМ НЕ СИОНИСТ

Профессор искусствоведения Майя Балакирска-Кац из Туро-колледжа в Нью-Йорке и автор книги о золотом веке в советской анимации провела сенсационное исследование: культовый для всех наших детей мультфильм о Чебурашке и Крокодиле Гене - не просто очередная анимационная история, а нечто большее (и важное) для целого поколения евреев Страны Советов. Мы изучили ее работу и приводим краткий пересказ

Факт просмотра мультсериала конца 1960-х годов с Чебурашкой в главной роли - "неизвестного науке зверя" - является важным маркером того, что ваше детство прошло в последние десятилетия советской власти. Спросите любого, кто вырос в Восточной Европе о "советском Микки Маусе", и он начнет петь песенку невинным голосом Чебурашки "Я был когда-то странной игрушкой безымянной, к которой в магазине никто не подойдет. Теперь я Чебурашка..."

Мультсериал является адаптацией детских рассказов писателя Эдуарда Успенского [его памяти и посвящена публикация. - Ред. "ЕК"], свежими выпусками которых советские зрители наслаждались одновременно с появлением детского ТВ в 60-х годах. Мультфильм про Чебурашку стал национальным достоянием, своеобразной визитной карточкой Страны Советов, а его эпизоды были адаптированы в максимально возможном варианте - в том числе для радио и театральных подмостков.

Дети заучивали и перепевали песенки про Чебурашку в хорах, во время собраний, классных часов и для мероприятий пионерских организаций. Когда я была маленькая, этот мультфильм был для меня целой Вселенной. Мы с родителями переехали в США в 1979 году, захватили с собой проектор для диафильмов и стопку слайдов с мультфильмами, включая самую первую серию "Чебурашки".

С годами Чебурашка лишь набирал популярность в СССР, стал поистине культовым персонажем и был окружен ореолом "превосходства" над американскими мультипликационными героями - например, Микки Маусом. Чебурашку даже сравнивали с ревущим львом-эмблемой студии MGM и, конечно, называли его образцом морали и нравственности. Относительно недавно Япония признала Чебурашку одним из самых любимых героев всех времен и народов - в Стране Восходящего Солнца даже выпустили римейк советского мультфильма и несколько спин-оффов к нему. В постсоветское время Чебурашка стал талисманом олимпийской сборной России.

Но даже среди тех, для кого этот мультфильм является сакральным воспоминанием о детстве, очень мало знающих о том, что команда, создававшая серии на студии "Союзмультфильм", практически полностью состояла из евреев-ашкенази, которые потеряли свои дома и семьи во время геноцида в Великую Отечественную войну.

Режиссер Роман Качанов воссоздает в анимационных сериях классическую историю спасшихся во время войны евреев, которые были заняты в проекте. Он сам, например, родился в бедном еврейском квартале в

Смоленске и занимался боксом в атмосфере смоленского сионистского рабочего движения еще до того, как его отец и сестра были расстреляны во время немецкой оккупации города.

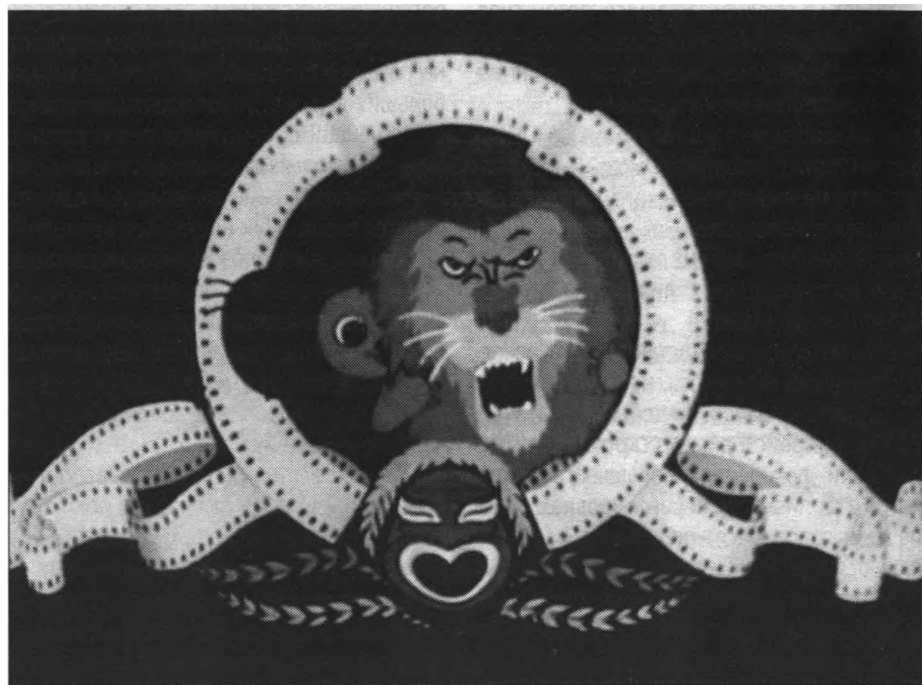
Создатель образа Чебурашки - режиссер-мультипликатор Лев Шварцман - вырос в обстановке сионизма в Минске и сменил имя на "Израэль" после того, как случилась Шестидневная война 1967 года, несмотря на враждебное отношение к Израилю, бытовавшее в советском обществе в то время.

Качанов нанял оператора Теодора Бунимовича, который до этого работал фотожурналистом и фронтовым оператором Центральной студии кинохроники и, в частности, снимал на Западном, Воронежском и других фронтах. Ему удалось запечатлеть на пленку нацистские преступления и зверства солдат Третьего рейха в Беларуси.

Оператор Иосиф Голомб не только бегло говорил на идише: его отец был страстным коллекционером хасидской музыки и благодаря ему этот язык обогатился музыкальной лексикой. В какой именно степени еврейское происхождение команды создателей мультфильма повлияло на их творческое развитие - по большей части вопрос домыслов и различных спекуляций, но причина, по которой они миллионы раз не называли истинное происхождение Чебурашки, кроется именно в личной истории.

Работы художников еврейского происхождения в СССР обычно относили к "андерграунду", на Запад они попадали через контрабандистов и диссидентов с перебежчиками. Тем не менее, несмотря на систематический антисемитизм, который проявлялся в советском обществе на разных уровнях, мы видим (и это подтверждает мультфильм "Чебурашка"), что яркая и очень живая еврейская культура получила наибольшее творческое развитие в самом сердце Москвы - Центральной студии мультипликации "Союзмультфильм" - крупнейшей в Восточной Европе.

Внедрение еврейского культурного кода в мультфильмы было единственным выходом

дом из ситуации, когда очевидное выражение своей этничности в советской культуре было подавлено. Загадочное происхождение Чебурашки - одна из главных тайн мультсериала. Моя идея состоит в том, что этот необычный герой воплощает собой типичного советского еврея.

Самая первая серия начинается с того, что продавец фруктов открывает ящик с цитрусовыми, и находит там очаровательное существо - "что-то между медведем и апельсином". Глядя на странного зверька, продавец читает надпись на ящике с фруктами на ломаном английском: "О-ран-жес!". В те годы Израиль был главным экспортером апельсинов в Советский Союз. На самом деле цитрусовые из Яффы были единственным продуктом, который СССР импортировал из Израиля, и в самой Земле обетованной эти фрукты стали предметом национальной гордости и символом успеха еврейского народа: признаком, что небольшая и гордая страна может сама себя обеспечить продуктами. К слову, апельсины также были неофициальным символом сионистского движения в СССР.

Сразу вспоминаются строчки из мемуара "Возвращение" советского и израильского механика и физика, публициста и общественного деятеля Германа Брановера: "Я помню, что зимой 1952 года яффские апельсины привезли в продуктовый магазин, где работал дядя Наум. Он как-то рассказал мне, что сотрудники магазина работали всю ночь, уничтожая бумагу с надписями на иврите, в которую были обернуты апельсины".

Из-за своего таинственного происхождения Чебурашка не способен найти свое место в советском обществе. Сбитый с толку продавец фруктов берет на себя ответствен-

ность и отдает это странное существо в самое подходящее для него место, которое только можно найти в городе, - в зоопарк.

Вместо паспорта или других необходимых документов, он приходит с кусочком бумаги, в которую были завернуты апельсины (Чебурашка ведь "полумедведь-полуапельсин"). По замыслу создателей, такой "паспорт" для безродного героя точно найдет отклик в сердцах тех граждан СССР, у которых в настоящих паспортах в графе национальность значилось "еврей".

Охранник зоопарка вернулся с Чебурашкой в руках и сказал продавцу, что это существо не могут принять: "Нет, этот не пойдет. Неизвестный науке зверь!", - говорит он. "Не знают, куда его посадить". В итоге Чебурашку пристроили в магазин уцененных товаров, а его хозяин рассказал продавцу, что наш герой похож на бракованную игрушку.

В комиссионном магазине Чебурашке дают задание сидеть на витрине и крутить юлу, привлекая покупателей. Когда он спрашивает, где ему жить, хозяин магазина показывает на телефонную будку и говорит "Жить? Да хотя бы вот здесь. Это и будет твой, так сказать, дом", - продавец при этом показывает обеими руками жест "ОК". Чебурашка долго смотрит на будку и неохотно соглашается. В то время у телефонных будок была дурная репутация, связанная с неблагополучными подростками или алкоголиками, которые ошивались в них и использовали для своих делишек.

По сути, это не просто зоопарк, комиссионный магазин или телефонная будка: Чебурашку вообще нельзя отнести ни к одной социальной группе в советском обществе. Когда русская школьница по имени Галя с

невинным видом спрашивает его: "Кто ты?", то зверек отвечает ей в характерной для манере: "Я...Я не знаю". Галя осмеливается спросить дальше "Ты случайно не маленький медведь?". Ее предположение убеждает Чебурашку в том, что ему необходимо идентифицировать себя с рускостью, по крайней мере на символическом уровне, ведь медведь - общеизвестный символ России. Чебурашка с надеждой смотрит на школьницу, но затем его уши медленно опускаются и он тихонечко повторяет "Возможно, я не знаю".

Мудрый и находчивый Крокодил Гена спешит помочь решить проблему происхождения своего нового и загадочного друга. Он пытается найти определение в огромном словаре, ищет между словами "чай", "чемодан", "чебуреки", "Чебоксары". В том месте, где Гена мог бы найти имя Чебурашки, находится название блюда и одного из российских городов, а также чемодан - яркий символ, который снова приподнимает завесу тайны происхождения Чебурашки и намекает нам о теме иммиграции (традиционной для евреев). Для Чебурашки не находится места не только в зоопарке, но и в словаре русского языка.

В мультфильме делается много акцентов на неопределенных социальных кодах, которые ограничивают жизнь Чебурашки. Статус бездомного изгоя очень сильно контрастирует с положением Крокодила Гены, который "работает" в зоопарке крокодилом. В одном из поздних эпизодов, Чебурашка выражает надежду на то, что после того, как он научится читать по-русски и закончит школу, он сможет работать в зоопарке со своим зеленым другом. Морщинистый крокодил покачивает головой: "Нет, тебе не разрешено работать в зоопарке с нами". Когда его друг пытается выяснить причину, крокодил отвечает

ему: "Ну что, почему? почему? Да они просто съедят тебя!".

Крокодил работает в вольере, который больше похож на парк с прудом и деревом. В Московском зоопарке еще в 1920-е годы решили заменить клетки для животных на живописные вольеры с более подходящими условиями для животных. Учитывая то, что Чебурашку не приняли в зоопарке, где звери "живут в гармонии" (метафора демонстрации превосходства идеологии социализма над капитализмом), Качанов и Шварцман дали ясно понять, что в случае главного героя мультфильма, несмотря на открытость социалистов к этническому разнообразию (СССР, как известно, страна многонациональная), некоторые "тропические" герои не допускаются даже на порог.

По воспоминаниям сотрудников "Союзмультфильма" режиссер Роман Качанов любил бесчисленное количество раз повторять в студии: "Вы можете себе представить? Крокодил, который работает в зоопарке крокодилом!". Полная противоположность Чебурашке, 50-летний крокодил "родился" в самом начале Октябрьской революции. Его имя неслучайно начинается с "Крокодил" - по сути это аналог обращения "товарищ", которое использовали в коммунистической стране. Крокодил Гена - старый большевик, который любит курить трубку (она торчит у него из пасти на сталинский манер). Когда он покидает зоопарк, то целыми днями сидит в одиночестве дома. Удрученный своей судьбой, Крокодил Гена пишет объявление о поиске друзей и развешивает его по всему городу. Благодаря объявлению он и знакомится с Чебурашкой и школьницей Галей.

Наконец, Чебурашка встречает друзей и начинает от руки писать объявления, с помощью которых создает в квартире Гены не-

большое сообщество "Дом друзей". Все это уж очень напоминает встречи на квартирах и первичные организации, с помощью которых евреи в конце 1960-х годов, в 70-х и 80-х создавали свои первые общины.

Галя встречает пса Тобика "на улице" снаружи желтого здания с фасадом в неоклассическом стиле, которое практически полностью срисовано с Московской Хоральной синагоги. На самом деле улица рядом с синагогой была местом собрания евреев и некоторых иудейских богословов. Стоит хотя бы вспомнить стихийную демонстрацию, которая проводилась во время визита посла Израиля в Москве Голды Меир в октябре 1948 года. Не менее примечательным событием для синагоги в то время было то, что главный раввин Москвы Шломо Шлейфер добился создания иешивы в ее стенах, но даже несмотря на это те, кто пытался узнать больше о еврейской культуре, предпочитали делать это на квартирах и во время уличных собраний.

Среди тех, кто отреагировал на объявление Чебурашки, был длинноволосый лев-интеллект Лейб Чандр - самый еврейский персонаж в мультфильме (помимо самого главного героя). На самом деле очень легко определить аналогию между Львом и популярным в то время в СССР писателем Шолом-Алейхемом, который писал как на идише, так и на русском языке. Черты лица, зачесанные назад прямые волосы и привычка носить одежду в строгом стиле - все это объединяет мультяшного Льва с еврейским писателем.

Качанов и Шварцман, оба бегло разговаривавшие на идише, называли Льва Чандра "Лейбой Чандр". Гипотеза о еврейском происхождении царя зверей в мультсериале еще раз подтверждается, когда он представляет другим героям, делая полупоклон под ак-

компанемент меланхоличной скрипки. После того, как Тобик (в переводе с идиша "хороший") и Лейб Чандр отправляются на прогулку вместе, Крокодил Гена заключает печальным голосом: "Знаете ли вы, сколько людей в нашем городе также одиноки, как Тобик и Чандр? И никто не сочувствует, когда им грустно".

Как только в мультфильме были замечены странные социальные полутона, тут же был созван художественный совет. Его члены пытались понять, почему Крокодилу Гене так необходимо ответить на вопрос о происхождении "неизвестного науке зверя". И художественный совет, и Госкино ставили под сомнение пионерский активизм Чебурашки, ведь фактически он был персоной нон грата, лишенным гражданских прав иностранцем.

В особенности ему "припомнили" инициативу по созданию "Дома друзей" без каких-либо "распоряжений сверху". Один из сотрудников Госкино с пренебрежением назвал Крокодила Гену и его друзей "домашними друзьями". Ветеран анимации Иван Иванов-Вано подвергал сомнению серьезность Льва и предположил, что он мог бы носить более яркие цвета, чтобы быть ближе молодой аудитории. Он также недоумевал, почему у Крокодила Гены такая "роскошная" квартира и почему она затем превратилась в "Дом друзей".

Иванов-Вано был человеком проницательным и затронул очень чувствительную для создателей мультфильма тему, ведь они вложили в него (пусть и метафорически) опыт еврейского населения. Сотрудники "Союзмультфильма", по сути, подменили анимационными персонажами самих себя, чтобы, не выходя за рамки общепринятых стандартов, рассказать о своей истории. Тем не менее несмотря на недопонимание и опасения со стороны художественного совета, серии выпустили на телевидении практически без изменений.

Еврейские националисты, безусловно, были в курсе того, кем являются создатели "Чебурашки", но главный герой мультфильма все же не сионист - по крайней мере не в том смысле, какой общепринят в США. Определенно, у Чебурашки нет желания эмигрировать из СССР в Землю обетованную. Скорее, его происхождение (связанное, как мы помним, с апельсинами) транслирует ключевое и очень болезненное для этноса состояние: неопределенный статус, и в этом ключе мультфильм вызывает у зрителей глубокое сочувствие к наивному чуду с огромными глазами.

Это просто странное, отличающееся от других существо, которое очень хочет жить своей жизнью. Несмотря на общепринятое ксенофобское отношение к чужестранцам в советском кино того периода, Качанов и Шварцман преуспели в том, чтобы сделать из нелегального "безбилетника" симпатичного чужака, который олицетворяет мораль и добродетель, несмотря на абсурдные правила и жесткие требования к социальному статусу. Мультфильм о Чебурашке создала команда евреев, которые сами были людьми с неочевидным положением из-за своего происхождения. Своего героя они провели через такой же экранный опыт.

Перевод: Ася Алисултанова
С любезного разрешения сайта
Собака.ru, Санкт-Петербург

"БААЛ ШЕМ ТОВ, ТВОИ УЧЕНИКИ..."

"Человек - подобие лестницы, вершиною своей упирающейся в небо; все его поступки и слова оказывают воздействие на небесные сферы". - Автор этого изречения, основатель хасидского движения в иудаизме, Исраэль бен Элиэзер, вошедший в еврейскую историю, как Баал Шем Тов, появился на свет 320 лет назад в местечке Окопы на Подолье, в семье бедных и немолодых родителей. В раннем возрасте мальчик осиротел. Рассказывают, что перед смертью отец сказал ему: "Исролик, не бойся никого и ничего, только Б-га одного, и люби каждого еврея". И в этой простой фразе заключена вся суть учения, у истоков которой встал Бен Элиэзер, и оно распространилось широко, став полноводной рекой. Вся жизнь этого удивительного человека окружена преданиями и легендами. Рассказывали, что он не спал более двух часов в сутки и ночами постигал тайны Торы. Однажды в его доме заночевал рабби Давид, магид из городка Коломыя, сбившийся зимой с пути. Проснувшись среди ночи, гость увидел яркий свет, исходящий от печи. В первый момент он подумал, что загорелись лежавшие на ней поленья. Схватив ведро с водой, он бросился гасить пожар, но, приблизившись, увидел, что за печью сидит, склонившись над книгой, хозяин дома и вокруг него разлитое сияние. Световая дуга, как об этом сказано, "стояла над ним, подобно радуге". Пораженный этим зрелищем, гость упал в обморок, и Исраэлю пришлось приводить его в чувство.

Около 1730 г. Бен Элиэзер поселился в Тлусте, неподалеку от Тернополя, и начал сначала скрытно, а потом открыто помогать больным и страждущим, получив известность как целитель, умеющий именем Всевышнего врачевать не только человеческую плоть, но и душу. Тогда его и стали называть Баал Шем Тов, что, в буквальном переводе с иврита на русский язык, означает "Обладатель доброго имени". Такого титула с давних времен в еврейской среде удостоивались только те, кто, по убеждению окружающих, овладевал премудростями каббалистического учения, обладал тайным знанием и с помощью этого знания мог творить подлинные чудеса. Десять лет спустя рабби Исраэль обосновался в городке Меджибож, который вскоре стал центром его деятельности. В этом городке Баал Шем Тов открылся евреям как ве-

роучитель. Вокруг него сосредоточился круг единомышленников и соратников. Так начиналась новая эра в еврейской религиозной истории - эра хасидизма (в буквальном переводе - "учения благочестия").

Баал Шем Тов преподавал не на формальных и мудреных лекциях, а в беседах, поучениях-афоризмах, используя притчи и иносказания. Он пришел в этот мир с важной миссией, которую успешно выполнил: вывести свой народ из растерянности и оцепенения, в котором евреи находились после не сбывшихся в то время надежд на скорое избавление. Бен Элиэзеру, его ученикам и последователям удалось разбудить единомышленников от глубокого сна, открыть им душу, полную любви и сострадания. Баал Шем Тов не находился в Меджибоже постоянно, он разъезжал по еврейским местечкам Подолии и Галиции - он всегда был там, где в нем нуждались евреи. Ехал, чтобы утешить и помочь, чтобы вернуть простым евреям радость жизни и радость веры. Ученики повсюду сопровождали Учителя и жадно впитывали каждое его слово. Он же не записал почти ничего и не разрешал другим делать записи во время своих бесед. Первое печатное издание, содержащее поучения Баал Шем Тоба, было издано через 32 года после его ухода из этого мира: в 1792 году в Лемберге (Львове) увидела свет книга "Ликутим йекарим". В том же году в Жолкве была напечатана "Кетер Шем Тов", а затем в течение двух лет в этой же типографии были изданы "Тсавот а-ривот" и "Даркей йешарот". Кроме того, учение Баал Шем Тоба сохранилось в сочинениях его ближайших учеников и нашло свое воплощение в праведных хасидских делах. Внуками его были выдающиеся хасидские лидеры рабби Моше-Хаим Эфраим из Сиделкова и раб-

би Барух из Меджибожа, а правнуком рабби Нахман из Бреслава.

Вот некоторые из поучений Баал Шем Тоба:

Божественное Присутствие не нисходит на того, кто печалится в заповедях; оно нисходит на того, кто в заповедях радуется.

Чтобы вытащить из грязи себе подобного, нужно самому ступить в грязь.

Мелкие цадики любят мелких грешников, великий цадик любит великого грешника.

Не отвергай красоту девушки, но стремись, чтобы признание красоты возвращало тебя к ее источнику - Богу. Если человек овладеет этой мудростью, то его физическое наслаждение будет влечь за собой и духовный рост.

Мы предлагаем вниманию наших читателей подборку стихотворений о хасидизме и о его приверженцах - хасидах, посвящая ее 320-летию основоположника и вдохновителя хасидизма в Восточной Европе.

Сергей Стратановский

Хасидизм

Баал Шем Тов, твои ученики
по жалостной земле,
по плачущей Волины,
в дырявых башмаках
шли от корчмы к корчме,
чтоб грубым корчмарям,
торгующим горилкой
и чутущим лунное
Талмуда серебро,

сказать об искорках
простой и легкой веры.
Уж виленский раввин
строчил на них донос,
и старцы хмурились
в дремучей укоризне,
но сам Господь входил
в зеленый гвалт берез,
в вино сапожников,
в живые буквы жизни.

Геннадий Беззубов

Пришел хасид,
но не было миньяна,
Расплылись постзакатные румяна
Пред тем, как небу вовсе догореть,
Но не было десятого, и стыла
Его скамья. Улова не сулила
По улицам раскинутая сеть.
Переключались старики на идиш,
Менялось освещение - как выйдешь,
Еще светло, но сплет темнота,
В которой еле различимы лица,
И нужно бы вообще
поторопиться,

Чтоб не закрылись высшие врата
Над нашими холмистыми
местами.

Старались, суетились,
хлопотали,
Пока не пала подлинная тьма,
Не кара, и уж точно не награда,
Но стало ровно столько,
сколько надо,
Едва запел взойшедший на бима.

Евгения Бильченко

Исповедь Розы

Я - Роза. Супруг мой Ганс -
чистокровный арий,
А брат мой - хасид
по имени Мордехай.
Брат страшно боится гриппа
и слова: "Хайль!", -
Которое Ганс, бывало,
толкал в ударе,
А я заминала шутками тот удар

За общим столом,
Накрытом к священной Пасхе:
Ведь Ганс мой - добряк!
Всем сердцем, душой и пахом!
И в нем, несомненно, -
тоже Господний дар.

Мой ребе, мы с Гансом
верили в добрых фей,
Но сучья война сказала
на каждой твари.
Вчера... Я шепнула Гансу
о Бабьем Яре...

А Ганс мне ответил:
"Милая, это - фейк".
Не греет меня с тех пор
и горячий чай,
Стал горше лекарства
сладкий немецкий штрудель...
Мой Ганс, как ребенок,
спит у меня под грудью, -

И я охраняю хрупкость его плеча.

Но только, учитель,
больше мне нет житья.
Я знаю, что грех великий -
мечтать погибнуть,
Поэтому я пишу вечерами гимны,
Как письма, вложив их
в горлышко соловья.

Хасидские гимны - это особый род
Божественной скорби
милого Ханаана...
Я знаю, что Ганс избавится
от тумана,
Что это пройдет...
А что, если не пройдет?

А что если...
Нет, мне боязно - так сказать!
Пойду-ка я лучше в луке
зажарю куру.
А вдруг...
К Мордехая явится Гансов фюрер,
А муж мой, слегка зевнув,
отведет глаза?

Галина Феликсон

Хасиды

Веселые звуки текут
вдоль бульвара.
На улице, светом янтарным
облитой,
Взлетают и кружатся
стройные парни:
Танцуют хасиды - такая молитва.

Скрипели повозки
по трактам столетий.
Скорбящие тени
на спицах качались.
И старцы молились,
и плакали дети.
Но мир отвернулся
в привычном молчанье.

Охрана глазела
в решетки оконца:
В субботу хасиды плясали и пели.
Их черные шляпы,
как черные солнца
Метались по кругу
под шелест метели.

Вчера, и сегодня,
и завтра так будет.
Проблемы еврейские -
кто их увидит.
Пройдут стороной
равнодушные люди.
Поэтому снова танцуют хасиды,

Летят, растворяясь
в просторах небесных,
Над болью, над плачем,
над страхом, над битвой.
Под древний мотив,
под бессмертную песню
Танцуют хасиды -
такая молитва.